

Самовлюбленно,
раздражающе...
и завораживающе!

Independent

КАРЛ УВЕ КНАУСГОР ЮНОСТЬ

18+

МОЯ БОРЬБА [4]

Карл Уве Кнаусгор
Моя борьба. Книга
четвертая. Юность
Серия «Моя борьба», книга 4

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67250252

Моя борьба. Книга четвертая. Юность: Синдбад; Москва; 2022

ISBN 978-5-00131-419-6

Аннотация

Четвертая книга монументального автобиографического цикла Карла Уве Кнаусгора «Моя борьба» рассказывает о юности главного героя и начале его писательского пути.

Карлу Уве восемнадцать, он только что окончил гимназию, но получать высшее образование не намерен. Он хочет писать. В голове клубится множество замыслов, они так и рвутся на бумагу. Но, чтобы посвятить себя этому занятию, нужны деньги и свободное время. Он устраивается школьным учителем в маленькую рыбацкую деревню на севере Норвегии. Работа не очень ему нравится, деревенская атмосфера – еще меньше. Зато его окружает невероятной красоты природа, от которой захватывает дух. Поначалу все складывается неплохо: он сочиняет несколько новелл, его уважают местные парни, он популярен у девушек. Но когда окрестности накрывает полярная

тьма, сводя доступное пространство к единственной деревенской улице, в душе героя воцаряется мрак. В надежде вернуть утраченное вдохновение он все чаще пьет с местными рыбаками, чтобы однажды с ужасом обнаружить у себя провалы в памяти – первый признак алкоголизма, сгубившего его отца. А на краю сознания все чаще и назойливее возникает соблазнительный образ влюбленной в Карла Уве ученицы...

Содержание

Отзывы о книге	6
Часть V	7
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Карл Уве Кнаусгор Моя борьба. Книга четвертая. Юность

Copyright © Karl Ove Knausgaard, 2010

First published with the title *Min Kamp Fjerde bok* in Norway
by Forlaget October, Oslo in 2010

Published in the Russian language by arrangement with *The Wylie Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2022.

* * *

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

Самовлюбленно, раздражающе... и завораживающе!
The Independent

Быть втянутым в мир Кнауслора – невероятное удовольствие.
The Times

Постепенное превращение помешанного на музыке и девушках подростка в писателя Кнауслора не может не найти отклик в душе каждого, для кого взросление тоже стало борьбой.
The Harvard Crimson

...Новый фрагмент яркого, противоречивого, провокативного, эгоцентричного пазла под названием «Моя борьба»... Кнауслору поразительным образом удается соединить впечатления обыденной жизни с глубокими философскими размышлениями.
Sydney Review of Books

Часть V

Мои чемоданы медленно ехали по ленте в зале прилетов. Чемоданы были старые, конца шестидесятых. Я нашел их в сарае среди маминых вещей, когда мы переезжали, за день до того, как перевозчики пригнали фургон, и забрал себе. Они подходили мне, были в моем стиле, меня подкупила их несовременность, необтекаемость формы.

Я затушил сигарету в пепельнице-столбике возле стены, подхватил чемоданы с ленты и вынес их на улицу.

Было без пяти семь.

Я опять закурил. Спешить было некуда, я никуда не опаздывал и меня никто не ждал.

Небо затянуло тучами, но воздух был сухой и прозрачный. Словно высоко в горах, хотя аэропорт у меня за спиной располагался всего в нескольких метрах над уровнем моря. Деревья, которые мне удалось разглядеть, стояли низенькие и скрюченные. Картину довершали заснеженные горные вершины.

Прямо передо мной пассажиры быстро заполняли идущий в город автобус.

Сесть в него?

Денег, которые мне так неохотно перед поездкой дал взаимы отец, должно было хватить на месяц, до первой моей зарплаты. С другой стороны, где располагается студенческое об-

щежитие, я не представлял, а начинать новую жизнь, мыкаясь по незнакомому городу с двумя чемоданами и рюкзаком – идея так себе.

Нет, возьму-ка такси.

Вечером я сбегал в закусочную неподалеку и съел две сосиски, покоившиеся в миске среди картофельного пюре, а остаток времени провел в общежитии – подложив под спину свернутое одеяло, я слушал музыку в плеере и писал письма Хильде, Эйрику и Ларсу. Я начал писать и Лине – девушке, с которой мы тем летом встречались, – но, написав страницу, отложил в сторону, разделся и выключил свет, хотя особой разницы не заметил: летняя ночь была светлой и оранжевая штора горела, словно глаз.

Обычно я с легкостью засыпал в любой обстановке, но в ту ночь лежал без сна. Через четыре дня наступит мой первый рабочий день. Всего четыре дня – и я войду в школьный класс в маленьком прибрежном поселке в Северной Норвегии, в местечке, где я никогда не бывал, о котором ничего не знал и которого даже на фотографиях не видел.

Я!

Едва окончившему гимназию, едва покинувшему родной дом восемнадцатилетнему уроженцу Кристиансанна, чей опыт работы ограничивался парой вечеров и выходных на паркетной фабрике, несколькими статьями в местной газете и месяцем в психиатрической лечебнице, предстояло взять

на себя классное руководство в хофьордской школе.

Нет, спать не получалось.

Каким я покажусь ученикам?

Что мне сказать им, когда я в первый раз войду в класс, а они будут сидеть за партами?

А остальные учителя – они что обо мне подумают?

В коридоре открылась дверь, оттуда слышались музыка и голоса. Там кто-то прошел, напевая себе под нос. «*Hey, shut the door*»¹ – донеслось из коридора. Дверь захлопнулась, закупорив звуки внутри. Я перевернулся на другой бок. Странное ощущение, что за окном светлая ночь, сна не добавляло. А когда мысль о том, что мне не спится, оформилась в голове, заснуть стало решительно невозможно.

Я поднялся, оделся и, сев в кресло перед окном, взялся читать. «Холостой пробег» Эрлинга Йелсвика.

Во всех книгах, которые мне нравились, говорилось, по сути, об одном и том же. «Белые негры» Ингвара Амбьёрнсена, «Битлы» Ларса Соби Кристенсена, «Джек» Ульфа Линделла, «На дороге» Джека Керуака, «Последний поворот на Бруклин» Хьюберта Селби, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Колосс» Финна Алнэса, «Лассо вокруг госпожи Луны» Агнара Мюкле, трилогия Йенса Бьёрнебу про историю скотства, «Джентльмен» Класа Эстергрена, «Икар» Акселя Йенсена, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Хмельные сердца» Улы Бауэра, «Почтамт» Чарльза Буковски. Кни-

¹ Эй, закрой дверь (англ.).

ги о молодых мужчинах, не находящих себе места в обществе, не желающих ограничиваться заведенным порядком, заикливаться на семье, короче говоря, о молодых мужчинах, презирующих буржуазность и жаждущих свободы. Они путешествуют, они напиваются, они читают и мечтают о великой любви или о великом романе.

Всего, чего им хотелось, хотелось и мне.

Обо всем, о чем они мечтали, мечтал и я.

Великая тоска, вечно точившая меня изнутри, исчезала, когда я читал эти книги, и стоило мне отложить их, как она тотчас же возвращалась. Так было все время, что я провел в училище. Я ненавидел авторитеты, выступал против обтекаемости того общества, в котором вырос, – с его буржуазными ценностями и материалистическими взглядами. То, чему нас учили, вызывало у меня отвращение, даже литература; все, что мне требовалось знать, настоящее знание, единственно нужное, было заключено в книгах, которые я читал, и музыке, которую слушал. Ни деньги, ни статус меня не интересовали, я знал, что главное в жизни в чем-то другом. Мне не хотелось учиться, не хотелось получать образование в традиционном заведении – университете, к примеру; меня тянуло путешествовать по Европе, ночуя на пляжах, в дешевых гостиницах, у друзей, которые появятся у меня по пути. Я подрабатывал бы, мыл в отелях тарелки, загружал или разгружал баржи, собирал апельсины... Той весной я купил книгу со списком всех мыслимых и немыслимых работ, ко-

которые можно найти в разных европейских странах. Но венцом всего должен был стать роман. Я сидел бы в какой-нибудь испанской деревушке и писал, потом поехал бы в Памплону бегать от быков, оттуда – в Грецию, на какой-нибудь остров, и там тоже писал бы, а спустя год или два вернулся бы в Норвегию с романом в рюкзаке.

Такой был у меня план. Поэтому я, в отличие от многих однокашников, не пошел по окончании учебы в армию и не поступил в университет, как все остальные, а отправился на Кристиансаннскую биржу труда и попросил список всех вакансий в Северной Норвегии.

– Ты, Карл Уве, значит, учителем решил заделаться? – спрашивали меня в конце лета.

– Нет, – отвечал я, – я стану писателем. Но пока мне надо на что-то жить. Я там поработаю с год, скоплю денег и поеду путешествовать по Европе.

Теперь это была не идея у меня в голове, а действительность, внутри которой находился я сам: завтра я сойду на причал в Тромсё, сяду на катер до Финнснеса, а дальше автобусом на юг, в крохотную деревушку Хофьорд, где меня обещался встретить школьный завхоз.

Нет, спать не получалось.

Я достал из чемодана бутылку виски, принес из ванной стакан, налил, отдернул штору и сделал первый, пробирающий до дрожи глоток, глядя на залитые удивительным светом дома.

На следующее утро, когда я проснулся около десяти, тревога отступила. Я сложил вещи, вызвал из автомата в лобби такси, вынес чемоданы на улицу, ждал и курил. Я впервые в жизни ехал куда-то, откуда не надо возвращаться назад. Никакого «назад» больше не существовало, так что и возвращаться было некуда. Мама продала дом и переехала в Фёрде. Отец с новой женой жили в Северной Норвегии. Ингве переселился в Берген. А я – я был на пути к своей первой собственной квартире. На пути к собственной работе, на которой смогу зарабатывать собственные деньги. Я впервые стал хозяином всех составляющих моей жизни.

Ох, как же это было охрненно!

Когда подъехало такси, я бросил на землю окурок, придавил его ногой и закинул чемоданы в багажник – его открыл таксист, пожилой коренастый мужчина с седыми волосами и золотой цепочкой на шее.

– На причал, – сказал я, усаживаясь на заднее сиденье.

– Причал большой, – он повернулся ко мне.

– Мне до Финнснеса. Мне надо на катер.

– Ясно, сделаем в лучшем виде. – Машина тронулась. –

Ты туда в училище? – спросил он.

– Нет, – ответил я, – мне дальше, в Хофьорд.

– Вон оно чего. Рыбачить? Хотя нет, ты явно не рыбак!

– Я туда учителем работать еду.

– А, ну да. Ну да. Вы, южане, часто туда за этим ездите. Но

ты же такой молодой, не? Туда же с восемнадцати принимают, не? – Он засмеялся и посмотрел на меня в зеркальце.

Я тоже рассмеялся.

– Я этим летом гимназию закончил. Наверное, это лучше, чем совсем ничего.

– Да, похоже, что так, – сказал он, – но ты про детей подумай тамошних. Учителя у них – вчерашние гимназисты. Каждый год новые. Неудивительно, что молодежь после девятого класса сплошь идет по рыболовецкой части!

– Да, – согласился я, – но я-то не виноват.

– Да ну, при чем тут – виноват, не виноват! Про виноват вообще речи не идет! Рыбу, знаешь ли, ловить намного приятнее, чем учиться! Чем сидеть и зубрить, пока тридцатник не стукнет.

– Я учиться не собираюсь.

– Зато учить будешь! – Он опять посмотрел на меня в зеркало.

– Да, – ответил я.

Несколько минут мы молчали. Потом он отпустил рычаг переключения передач и показал рукой вперед:

– Вон он, катер твой.

Он притормозил возле паромного терминала и, поставив на землю чемоданы, захлопнул багажник. Я протянул ему деньги. Как сказать про сдачу, я не знал и всю дорогу мучился этим вопросом, но теперь сказал лишь, чтобы он оставил сдачу себе, – этим все и решилось.

– Спасибо! – поблагодарил он, – и удачи!

Поездка обошлась в пятьдесят крон.

Когда он выехал на дорогу, я пересчитал оставшиеся деньги. Не густо, но на месте наверняка можно будет получить аванс, они же понимают, что пока я не начну работать, денег у меня не будет?

Финнснес с его единственной главной улицей и множеством незамысловатых, построенных, по всей видимости, на скорую руку, зданий, с суровой горной грядой вдали, походил на небольшой городок на Аляске или в Канаде – это сравнение пришло ко мне спустя несколько часов, когда я пил в кондитерской кофе в ожидании автобуса. Ни о каком центре города говорить не приходилось – городок был такой крошечный, что целиком мог считаться центром. Атмосфера тоже отличалась от знакомых мне городов: во-первых, оттого что Финнснес был намного меньше, а во-вторых, потому что здесь никто и не пытался навести красоту или уют. У большинства городов имеются фасад и задворки, а тут никакой разницы не наблюдалось.

Я пролистал купленные в ближайшем магазинчике книжки. Одна называлась «Чистая вода» авторства неизвестного мне Роя Якобсена, а другая – «Горчичный легион» Мортена Йоргенсена. Он еще играл в разных музыкальных группах из тех, которые я слушал пару лет назад. Тратить на них деньги было, пожалуй, недальновидно, но я готовился стать пи-

сателем: куда ж без чтения; надо, например, знать, на кого ориентироваться; смогу ли я написать так же? – крутилось у меня в голове, пока я листал книги.

Пора было спешить на автобус, я покурил напоследок, положил чемоданы в багажник, заплатил водителю и попросил его предупредить, когда приедем в Хофьорд. В автобусе я прошел назад и сел на предпоследнее сиденье слева – сколько себя помню, я всегда любил это место.

По диагонали от меня, через проход, сидела симпатичная блондинка, на год или на два младше меня. На сиденье у нее лежал ранец, и я решил, что она учится в гимназии в Финнснесе и вот возвращается домой. Она посмотрела на меня, когда я вошел в автобус, а когда водитель завел автобус и тот, подпрыгивая на колдобинах, покатил прочь с остановки, она обернулась и снова взглянула на меня. Смотрела она недолго, бросила лишь стремительный взгляд, но этого оказалось достаточно, чтобы у меня случился стояк.

Я надел наушники и вставил в плеер кассету. *The Smiths*, «*The Queen is Dead*». Чтобы не казаться назойливым, следующие километры я упорно пялился в окно и подавлял в себе малейшее желание взглянуть в ее сторону. Центр остался позади, и за окном на несколько километров потянулся жилой массив, где вышла половина пассажиров, а затем начался совершенно прямой участок шоссе, длинный и пустынный.

Если небо над Финнснесом было бесцветным и заливало город под ним равнодушным бледным светом, то здесь

небесная синева была ярче и глубже, а солнце, висевшее на юго-западе, над горами, чьи невысокие, но крутые склоны на всем пути загораживали раскинувшееся за ними море, золотило красноватые, кое-где почти лиловые кустики вереска. Росли здесь лишь кривоватые сосны и карликовые березы. Горы с моей стороны, низкие и зеленоватые, к которым льнула долина, больше походили на холмы, зато с другой, несмотря на скромную высоту, выглядели дикими, крутыми и отвесными.

Вокруг не было ни одной живой души, ни единого дома. Но я приехал сюда не для того, чтобы смотреть на людей, — я приехал, чтобы обрести покой и заняться писательским трудом.

При мысли об этом меня пронзила радость.

Я двигался к цели, двигался к цели.

Спустя пару часов, по-прежнему в коконе музыки, я разглядел далеко впереди дорожный указатель. По длине слова я предположил, что на нем написано «Хофьорд». Указатель упирался прямо в гору с прорубленной в ней сквозной пещерой, лишь отчасти похожей на туннель. Стены в нем остались в том же виде, в каком были, когда взрывали породу, а освещения внутри не имелось. Сверху капала вода, да в таких количествах, что водитель включил «дворники». Когда мы выехали с противоположной стороны, я ахнул. Между двумя длинными рваными грядами гор, голых и крутых, вился узенький фьорд, а за ним плоской равниной синело море.

Ох ты!

Дорога, по которой ехал автобус, шла вдоль горы. Чтобы лучше рассмотреть пейзаж, я встал и перешел на другой ряд. Краем глаза я заметил, как блондинка обернулась и, увидев, как я стою, прижавшись лицом к стеклу, заулыбалась. Внизу, возле скал, с противоположной стороны фьорда, виднелся маленький остров, застроенный домами с внутренней стороны и пустынный с внешней, – по крайней мере, так казалось с моего места. Я разглядел пирс и гавань с рыбацкими лодочками. Горы уходили дальше в море примерно на километр. Склоны кое-где поросли зеленью, но ближе к устью фьорда были голыми и серыми и обрывались прямо в море.

Автобус нырнул в следующий пещероподобный туннель. По другую сторону туннеля, в долине с относительно пологими, напоминающими чашу склонами, раскинулась деревня, где мне предстояло провести следующий год.

Господи.

Как же потрясающе!

Большинство домов выстроились вдоль дороги, крутой дугой обходившей деревню. Внизу, возле причала, располагалось индустриального облика строение – видимо, рыбоприемник. Перед ним теснились лодки. В конце дуги стояла часовня. Сверху я разглядел ряд домов, а за ними – кусты, и вереск, и карликовые березы, а дальше долина заканчивалась, с обеих сторон упираясь в горы.

А больше ничего не было.

Хотя нет – там, где верхняя часть дуги встречалась с нижней, рядом с туннелем, стояли два больших здания. Судя по всему, школа.

– Хофьорд! – объявил водитель. Спрятав в карман наушники, я направился к выходу. Водитель спустился за мной и открыл дверцу багажника. Я поблагодарил за поездку, он, не улыбувшись, ответил, что не стоит благодарности, запрыгнул обратно, и вскоре автобус уже развернулся и скрылся в туннеле.

С чемоданами в руках и рюкзаком за спиной я поглядел сперва на дорогу, ведущую наверх, потом – на другую, вниз, высматривая завхоза и втягивая носом прохладный, полный соли воздух.

В доме возле автобусной остановки открылась дверь, и на крыльце показался невысокий человечек в футболке и спортивных штанах. Судя по тому, что он направился ко мне, это и был тот, кто мне нужен.

Не считая жиденького венка волос за ушами, он был совершенно лысым. Лицо казалось добрым, черты – крупные, какие бывают у людей за пятьдесят, но глаза за стеклами очков были маленькими и колючими. Его взгляд словно не вязался с остальной внешностью – это я понял, когда он подошел.

– Кнаусгор? – отводя взгляд, он протянул мне руку.

– Да. – Я пожал ему руку. Маленькую, сухую и напоминающую лапку животного. – А вы, как понимаю, Корнелиус-

сен?

– Так и есть. – Он улыбнулся, опустил руки и обвел взглядом окрестности. – Как тебе?

– Вы про Хофьорд? – уточнил я.

– Хорошо у нас тут? – спросил он.

– Потрясающе, – ответил я.

Он повернулся и показал наверх.

– Ты вон там жить будешь, – сказал он, – мы теперь с тобой соседи. Я вот тут живу, видишь? Пойдем посмотрим?

– Пойдемте, – согласился я. – Вы не знаете, мои вещи уже привезли?

Он покачал головой:

– Насколько я знаю, нет.

– Ну, значит, в понедельник привезут. – Я пошел за ним вверх по дороге.

– Я так понял, ты у моего сына учителем будешь, – сказал он, – его Стиг зовут. Так я понял. Он в четвертом классе учится.

– У вас много детей? – спросил я.

– Четверо, – ответил он, – двое дома живут. Юханнес и Стиг. А Туне и Рубен – эти в Тромсё.

Пока мы шли, я смотрел по сторонам. Возле похожего на магазин здания топтались несколько человек. Там же стояла пара машин. А у ведущей наверх дороги, возле ларька, я увидел еще несколько человек – с велосипедами.

Далеко внизу во фьорд зашла шхуна.

Возле гавани кричали чайки.

Больше тишину ничего не нарушало.

– Много здесь народа живет? – спросил я.

– Человек двести пятьдесят, – ответил он, – смотря по тому, считать ли школьников.

Мы остановились перед крашенным черной морилкой домом постройки семидесятых, возле утопленной в стену дверью на первый этаж.

– Вот и пришли, – объявил он, – давай, заходи, там открыто. А ключи я тебе сейчас отдам.

Я открыл дверь, вошел в прихожую, поставил чемоданы и взял у завхоза ключ. Пахло тут так, как в домах, где давно никто не живет. Слабо, почти по-уличному, тянуло сыростью и плесенью. Я толкнул попуприкрытую дверь и оказался в гостиной. Пол там покрывал оранжевый ковролин. Из мебели был темно-коричневый письменный стол и такой же журнальный столик, а еще обитые коричневым и оранжевым кресла и диван, тоже темного дерева. Два больших окна без переплета выходили на север.

– Замечательно, – похвалил я.

– Кухня вон там, – он показал на дверь с противоположной стороны маленькой гостиной, и повернулся: – а там спальня.

Обои на кухне были с рисунком, популярным в семидесятых, – золотым, коричневым и белым. У окна стоял небольшой стол. Рядом – холодильник с маленькой морозилкой.

Пластиковая столешница с раковиной сбоку. Серый линолеум на полу.

— Ну и, наконец, спальня, — сказал он и остановился на пороге, а я вошел в комнату. Ковер на полу был темнее, чем в гостиной, обои — светлые, а из мебели имелась лишь низкая, очень широкая кровать из того же материала, что и остальная мебель в квартире. Тиковая или крашенная под тик.

— Отлично! — сказал я.

— Ты постельное белье с собой привез?

Я покачал головой:

— Нет, отправил почтой.

— Мы тебе одолжим, если хочешь.

— Было бы неплохо, — согласился я.

— Схожу тогда сейчас принесу, — сказал он, — а если вопросы будут, хоть какие, так ты заходи. Мы тут гостей не боимся!)

— Хорошо, — ответил я, — спасибо большое.

Из окна гостиной я наблюдал, как он идет к своему дому метрах в двадцати от моего.

Моего!

Охренеть, у меня есть квартира!

Я расхаживал по ней, выдвигал ящики и заглядывал в шкафы, а потом вернулся завхоз со стопкой постельного белья. Когда он ушел, я принялся распаковывать немудрящие пожитки, которые привез с собой. Одежда, полотенце, печатная машинка, несколько книг, бумага для печатной ма-

шинки. Я передвинул письменный стол к окну, водрузил на него печатную машинку, сдвинул в сторону торшер, положил на подоконник книги и один номер литературного журнала под названием «Окно» – я купил его в Осло и решил подписаться на него. Рядом составил пятнадцать-двадцать кассет, которые привез с собой, а возле стопки бумаги разместился плеер и запасные батарейки.

Обустроив рабочее место, я сложил одежду в шкаф в спальне, убрал пустые чемоданы на верхнюю полку и замер посреди комнаты, не зная, чем еще заняться.

Меня разбирало желание позвонить кому-нибудь, рассказать, как оно тут все, но телефона в квартире не было. Может, выйти поискать телефонную будку?

К тому же я проголодался.

Я видел на улице киоск – может, до него прогуляться?

Тут, по крайней мере, делать точно нечего.

Зайдя в крохотную ванную, куда вела дверь из прихожей, я надел перед зеркалом черный берет. На крыльце я на секунду остановился и посмотрел вниз, на деревню. Одного взгляда было достаточно, чтобы разглядеть здесь всех и вся. Да, тут особо не спрячешься. Шагая по дороге – сверху грунтовой, а внизу заасфальтированной – я ощущал себя прозрачным.

Возле киоска-закусочной топтались несколько подростков лет пятнадцати. Когда я подошел, они умолкли. Не глядя, я прошел мимо, поднялся по ступенькам под навес и по-

дошел к окошку, ярко блестящему в рассеянном, словно повисшем в воздухе свете позднего лета. Окно почти заросло жиром. За стойкой стоял парнишка примерно того же возраста, что и подростки у меня за спиной. На щеке его виднелось несколько длинных черных волосков. Глаза были карие, волосы темные.

– Гамбургер с картошкой и колу, – попросил я, прислушиваясь, не обо мне ли болтают сзади. Но нет. Я закурил и, дожидаясь, принялся расхаживать под навесом. Орудием, смахивающим на совок, паренек зачерпнул резаную соломкой сырую картошку и бросил ее в кипящее масло. Положил на противень гамбургер. До меня доносилось лишь тихое шипенье масла и оживленные голоса за спиной. В домах на острове, отделенном от берега фьордом, загорелись окна. Небо – низкое у берега и поднимающееся ввысь ближе к устью фьорда было сине-серым. Оно слегка подернулось дымкой, но не потемнело.

Тишина не давила, а дарила простор.

Но не нам, – почему-то подумал я. Тишина здесь была такой всегда, задолго до прихода людей, и такой же останется надолго после того, как они исчезнут. Она по-прежнему будет покоиться здесь, в этой горной чаше, обращенной к морю.

Где, интересно, оно заканчивается? В Америке?

Да, наверное. В Ньюфаундленде.

– Ваш гамбургер. – Парнишка поставил на стойку пе-

нопластовый контейнер с гамбургером, парой салатных листьев, четвертинкой помидора и горкой картошки-фри.

Я расплатился и, подхватив поднос, повернулся к выходу.

– Ты чего, новый учитель? – спросил один из подростков, навалившись на велосипедный руль.

– Да, – ответил я.

– Ты у нас будешь учителем. – Сказав это, он сплюнул и сдвинул бейсболку чуть на затылок.

– Мы в девятом учимся. А вот он – в восьмом.

– Вон оно что, – сказал я.

– Ага. А ты южак, что ли?

– Я с юга, да, – ответил я.

– Ага, понятно. – Он кивнул так, словно я побывал у него на приеме, а теперь прием окончен и мне разрешается уйти.

– Как вас зовут? – поинтересовался я.

– Поживешь – узнаешь, – ответил он.

Это их рассмешило. Я, как ни в чем не бывало, улыбнулся, но, проходя мимо, показался себе глупым. Он вышел победителем.

– А тебя-то как звать? Крикнул он мне вслед.

Я повернул голову, однако останавливаться не стал.

– Микки, – проговорил я, – Микки Маус.

– Да он еще и шутила! – крикнул он.

Съев гамбургер, я разделся и улегся в постель. Было не больше девяти вечера, комнату наполнял свет, какой быва-

ет в пасмурный полдень, и проникающая повсюду тишина усиливала звуки при любом моем движении, поэтому даже несмотря на усталость тем вечером я опять пролежал несколько часов без сна.

Проснулся я посреди ночи оттого, что где-то хлопнула дверь. Сразу после этого в квартире этажом выше послышались шаги. Спросонок я почему-то решил, будто лежу в папином кабинете в нашем доме в Тюбаккене и что это папа ходит там, надо мной. Как меня сюда занесло? – успел подумать я, а после снова провалился в темноту.

Когда я проснулся в следующий раз, то меня охватила тревога.

Где я?

В доме в Тюбаккене? В доме в Твейте? В квартирке Ингве? В студенческом общежитии в Тромсё?

Я сел в кровати.

Сколько бы я ни озирался, взгляду ухватиться было не за что. Предметы вокруг не давали ни малейшей зацепки. Как будто я сползал вниз по отвесной стене.

А потом я вспомнил.

Хофьорд. Я в Хофьорде.

В моей собственной квартире в Хофьорде.

Я снова плюхнулся на кровать и заново прокрутил в голове всю поездку. Затем представил себе деревушку, раскинувшуюся там, за окнами, а в домах – людей, которых я не знаю и которые не знают меня. Внутри всколыхнулось чув-

ство, похожее на ожидание, а еще на страх и неуверенность. Я встал, прошел в ванную и, приняв душ, надел зеленую рубашку из шелковистой ткани и брюки из хлопка, черные и широкие, после чего подошел к окну и посмотрел вниз, на магазин. Надо бы купить продукты для завтрака, но с этим можно было подождать.

На парковке возле магазина было несколько машин. Между ними стояла группка людей. Время от времени из магазина выходил какой-нибудь покупатель с пакетами в руках.

Нет, можно сходить и сейчас.

Я вышел в коридор, накинул пальто, надел берет и обул белые кеды, взглянул на себя в зеркало, поправил берет и вышел из дома.

Небо было таким же теплым и сероватым, как вчера. Горы на противоположном берегу фьорда вырастали прямо из воды. В них таилось нечто жестокое, я сразу увидел это, им ни до чего не было дела, ничто не имело для них значения, они словно находились где-то еще и в то же время оставались здесь.

Сейчас на парковке стояли пятеро. Двое пожилых, лет пятидесяти, и трое чуть постарше меня.

Они давно меня заметили, это я знал, иначе и быть не могло. Думаю, незнакомцы в длинных черных пальто здесь в ди-ковинку. Я поднес к губам сигарету и затянулся так глубоко, что фильтр погорячел. По обеим сторонам двери висело два флажка с рекламой газеты «Верденс Ганг». На окне пестре-

ли зеленые и оранжевые рукописные объявления. От группы на парковке меня теперь отделяло метров пятнадцать. Надо ли мне поздороваться? Просто вежливо поприветствовать? Или остановиться поболтать? Сказать, что я новый учитель и сосстрить по этому поводу?

Один из них посмотрел на меня. Я едва заметно кивнул. Ответного кивка не последовало.

Он что, не видел? Я кивнул совсем слабо, и он принял это за случайный жест? Решил, будто я просто вздрогнул?

Их присутствие меня будто ножом резало. В метре от двери я бросил окурки на землю и наступил на него. Оставить его? Или получится, что я намусорил? Значит, лучше его поднять? Нет, такая избыточная аккуратность, наверное, ни к чему?

Да ну на хрен, еще подбирать его, они же тут рыбаки – уж они-то точно ничего не подбирают!

Я поднял руку и толкнул дверь, взял красную корзинку и пошел вдоль полок. Полная женщина лет тридцати пяти держала в руках упаковку сарделек и что-то говорила девочке – наверное, дочери. Худая и долговязая, та топнула и упрямо посмотрела на мать. По другую сторону от женщины мальчик лет десяти рылся, склонившись, в выложенных на прилавке товарах. Я положил в корзинку цельнозерновой хлеб, пачку кофе «Али» и коробку чая «Эрл Грей». Женщина взглянула на меня и, положив сардельки к себе в корзину, двинулась в другой конец магазина. Мальчик с девочкой по-

плелись за ней следом. Я, не торопясь, бродил по магазину и разглядывал товары. В корзинку отправились кусок коричневого сыра, банка паштета и тубик майонеза. Прихватив еще пакет молока и пачку маргарина, я пошел к прилавку, где полная женщина складывала покупки в пакет, а ее дочка читала объявления возле двери.

Продавец кивнул мне.

– Здравствуйте, – сказал я и принялся выкладывать продукты.

Он был низеньким и крепко сбитым, горбоносым, с широким лицом и тяжелым подбородком, покрытым ковром черной с проседью щетины.

– Ты, наверное, новый учитель? – он вбил цену.

Стоявшая возле доски объявлений девочка обернулась и посмотрела на меня.

– Да, – ответил я, – вчера приехал.

Мальчик потянул девочку за руку, она вырвалась и вышла из магазина. Мальчик пошел за ней, а последней вышла мать.

Апельсины – мне еще нужны апельсины. И яблоки.

Я метнулся к маленькому прилавку с фруктами, сунул в пакет несколько апельсинов, схватил пару яблок и вернулся на кассу, где продавец как раз пробивал последний товар.

– И еще табак «Эвентюр» и бумагу. И «Дагбладет».

– С юга, что ли? – спросил он.

Я кивнул.

– Из Кристиансанна, – сказал я.

В магазин вошел пожилой мужчина в кепке.

– День добрый, Бертиль! – крикнул он.

– Кого я вижу! – продавец подмигнул мне.

Я поспешно улыбнулся, расплатился, сложил покупки в пакет и вышел. Один из стоявших на улице мне кивнул, а я кивнул в ответ и пошел прочь.

Поднявшись на холм, я посмотрел на гору там, где заканчивалась деревня. Она была зеленой, до самой вершины, – это, наверное, больше всего поражало меня в местных пейзажах: я ожидал, что они будут суровыми и бесцветными, но уж никак не ждал такой ликующей зелени, которую перебивала лишь мощная серая синь моря.

В квартиру я возвращался с удовольствием. Она была первой, которую я мог назвать своей, и самые обыденные действия наполняли меня радостью – например, когда я вешал куртку или убирал в холодильник молоко. Тем летом я, правда, провел целый месяц в небольшой квартирке при психиатрической лечебнице в Эге – мама отвезла меня туда, когда я съехал из дома, где мы провели последние пять лет, но ее и квартирой было не назвать, просто комната в общем коридоре, куда выходят двери других комнат. Там издавна селили бессемейных медсестер, отчего это место величали «Курятником». Так же и работа там была не настоящая работа, а временная, летняя, безо всякой ответственности. И находилась та квартира в Кристиансанне. Чувствовать себя свобод-

ным в Кристиансанне я не мог, слишком многое связывало меня там с другими людьми, настоящими и воображаемыми, и потому не позволяло поступать так, как мне хотелось.

«Зато здесь!» – думал я, поднося ко рту бутерброд и глядя в окно. По воде пробежала рябь, и отражение горной гряды распалось на крошечные осколки, словно в калейдоскопе. Здесь никто не знает, кто я такой. Здесь меня ничего не связывает, нет привычных ритуалов, здесь можно поступать, как захочется. На год уйти на дно и писать, втайне создавать что-то. Или успокоиться на время и поднакопить денег. Без разницы. Главное – что я здесь.

Я налил в стакан молока и медленно, большими глотками выпил. Стакан с тарелкой я поставил на столешницу у раковины, и туда же положил нож, а продукты убрал в холодильник. Вернувшись в гостиную, я включил машинку в розетку, надел наушники, запустил музыку на полную громкость и, вставив в каретку лист бумаги, сдвинул ее на середину и напечатал сверху единицу. Посмотрел на дом завхоза. На крыльце стояли зеленые резиновые сапоги. У стены – швабра с красной щеткой. Среди гравия с песком перед домом виднелись несколько игрушечных машинок. Земля между двумя домами поросла мхом и невысокой травой, из которой торчало несколько чахлах деревьев. Указательным пальцем я отстукал по столу ритм. И напечатал одно предложение. «Габриэль стоял на плато и с недовольным видом оглядывал сверху жилые дома».

Я закурил. Я сварил кофейник кофе. Я посмотрел на деревню, на фьорд и на горы на противоположном берегу. Я напечатал еще одно предложение. «Позади него показался Гордон». Я спел припев. И напечатал: «Он скалился, словно волк». Отодвинув назад стул, я закинул ноги на стол и снова закурил.

А что, неплохо выходит, да?

Я схватил «Райский сад» Хемингуэя и, чтобы проникнуться языком, прочел несколько страниц. Книгу мне подарила Хильда, когда пришла попрощаться на вокзал в Кристиансанне, откуда я уезжал в Осло, чтобы потом улететь в Тромсё. Ларс тоже пришел. И Эйрик, парень Хильды. И Лина там тоже была, она провожала меня до Осло.

Я только сейчас заметил на форзаце дарственную надпись. Хильда написала, что я для нее очень много значу.

Я закурил и, глядя в окно, подумал, как это понимать.

Что я могу для нее значить?

Она замечает меня, об этом я догадывался, но не знал, что именно она во мне видит. Дружить с ней означало принимать ее заботу. Но забота, предполагающая понимание, уменьшает того, кто ее принимает. Ничего страшного; однако я так чувствовал.

Я был недостоин этого. Я делал вид, будто достоин, и, что удивительно, она купилась, хотя такие штуки понимала с лету. Хильда, единственная из моих знакомых, читала настоящие книги и, насколько мне известно, единственная из всех

что-то писала сама. Мы два года проучились в одном классе, и с того самого момента, как я обратил на нее внимание, я отметил ее ироническое, порой недоверчивое отношение к тому, что говорили учителя. Прежде я не замечал подобного у девочек. Стремление прихорашиваться, их манерность, их деланный инфантилизм вызывали у нее презрение, но ни агрессии, ни злости за ней не замечалось, нет, ничего такого, она была чуткой и заботливой, с добрым сердцем, однако имелась в ней и резкость, нечто странно своевольное, отчего я смотрел в ее сторону все чаще и чаще. Белокожая, с бледными веснушками на щеках и светло-рыжими волосами, худая и наделенная той телесной хрупкостью, которая является противоположностью крепости и в сочетании с менее резким и самостоятельным характером непременно вызывала бы в окружающих желание позаботиться о ней; Хильда, однако, сама проявляла заботу о тех, с кем сближалась. Она часто ходила в зеленой куртке защитного цвета и простых синих джинсах, что указывало на левые взгляды, но в том, что касалось культуры, она придерживалась противоположного мнения, выступая против материализма и защищая духовное. За внутреннее и против внешнего. Поэтому она высмеивала таких писателей, как Сульстад и Фалдбаккен – его называла «Фаллосбаккен», – и любила Бьёрнебу, Кая Скагена и даже Андре Бьерке.

Я доверялся ей больше, чем кому бы то ни было. Она вообще была мне лучшим другом. Я постоянно ходил к ней

в гости, познакомился с ее родителями, иногда ночевал там и ужинал с ними. Все, что делали мы с Хильдой, – иногда наедине, а иногда с Эйриком, – это разговаривали. Сидели по-турецки на полу с бутылкой вина в ее квартирке в цокольном этаже, смотрели, как к окнам подступает темнота, говорили о книгах, которые прочли, обсуждали волнующие нас политические вопросы, рассуждали о том, что ждет нас в жизни, чего нам хочется и на что мы способны. Она относилась к жизни с невероятной серьезностью, не свойственной остальным моим ровесникам, но в то же время много смеялась и никогда полностью не отказывалась от иронии. Мало что нравилось мне больше, чем бывать там, у нее дома, вместе с ней и Эйриком и иногда еще с Ларсом, однако в моей жизни происходили и другие события, несовместимые с этим, отчего меня непрестанно мучила совесть: тусуясь на дискотеках, клеясь там к девчонкам, я мучился от стыда перед Хильдой оттого, что предаю идеи, которые мы вместе с ней защищаем; а когда я сидел дома у Хильды и болтал с ней о свободе, красоте или смысле всего сущего, то мне было стыдно перед теми, с кем я ходил по дискотекам, или мерзко оттого, что с ними я – другой, потому что двойные стандарты и лицемерие, о которых мы столько разговаривали с Хильдой и Эйриком, прочно обосновались в моем собственном сердце. В политике я придерживался левых взглядов, почти склоняясь к анархизму. Я ненавидел конформизм и стереотипы и, подобно другим христианским пацанам-неформ-

малам, презирал, как и Хильда, христианство и всех тех придурков, кто в него верит и ходит на собрания к своим напыщенным священникам.

Зато верующих девчонок я не презирал. По какой-то удивительной причине именно они меня сильнее всего и цепляли. Как же объяснить это Хильде? И хотя я, как и она, всегда пытался не обращать внимания на оболочку и верить в то, что главное, настоящее и истинное скрыто под ней, хотя я, как и она, всегда стремился обрести смысл, пускай даже для этого надо было признать бессмысленность, – несмотря на это, меня тянуло к блестящей оболочке, красивой и обольстительной, тянуло осушить чашу бессмысленности. Короче говоря, меня тянуло к всевозможным дискотекам и барам, чтобы напиться там до беспамятства и склеить девчонку, с которой можно переспать или, по крайней мере, потискаться. Как же объяснить это Хильде?

Объяснить не получилось бы, вот я и не пытался. Вместо этого в жизни моей появился отдельный участок. Он назывался «Бухло и шанс на трах», и от участка «Осмысленность и искренность» его отделял невысокий заборчик, называемый личностными изменениями.

Лина была верующей. Не вызывающе религиозной, но все-таки, и от ее присутствия тогда на вокзале, рядом со мной, мне сделалось неловко.

Кудрявая брюнетка с темными бровями и яркими голубыми глазами, она отличалась грацией движений и обладала

той редко встречающейся независимостью характера, которая не отталкивает окружающих. Она любила рисовать, часто рисовала и, видимо, имела к тому талант. Проводив меня, она собиралась поступать в народный университет на искусствоведение. Влюблен в нее я не был, но она была чудесная, очень мне нравилась и порой, когда мы выпивали белого вина, во мне загорались к ней чувства. Сложность была в том, что она четко знала, насколько далеко ей следует заходить. За те недели, что мы встречались, я дважды умолял ее – мы тогда лежали, полуголые, в кровати у нее дома или в моей комнате в Курятнике. Но нет, не для меня она себя берегла.

– Тогда давай сзади, что ли! – в отчаянии выпалил я, не до конца понимая, что это означает. Лина прильнула ко мне своим тоненьким телом и закрыла мне рот поцелуем. Несколько секунд – я ощутил ненавистную судорогу в паху, трусы промокли от спермы, и я отстранился от Лины, а та, полная дразнящего желания, не осознавала, что за миг настроение у меня совершенно переменялось.

На перроне она с маленьким рюкзачком на спине стояла рядом со мной, сунув руки в задние карманы брюк. До отправления поезда оставалось шесть минут. Мимо нас в вагон то и дело заходили пассажиры.

– Я до киоска добегу, – сказала она, взглянув на меня, – тебе взять чего-нибудь?

Я покачал головой:

– Хотя да. Колу.

Она поспешила к киоску «Нарвесен». Хильда посмотрела на меня и улыбнулась. Ларс опустил глаза. Эйрик уставился вдаль, на порт.

– Сейчас, когда ты собрался в одиночное плавание, – он обернулся ко мне, – я дам тебе совет.

– Ну? – сказал я.

– Думай, прежде чем делать. Старайся, чтобы тебя не застукали. И тогда все будет хорошо. Если, например, захочешь, чтобы кто-нибудь из учениц тебе отсосал, пускай, ради всего святого, под стол спрячется. Ясно?

– А это не двойная мораль? – спросил я.

Он рассмеялся.

– И если ты там себе девушку заведешь и будешь ее поколачивать, то бей по тем местам, где синяков не видно, – добавила Хильда, – и ни в коем случае не по лицу, даже если очень захочется.

– По-твоему, мне сразу две нужны? Что одна тут, а вторая – там?

– А почему бы и нет?

– Одну будешь бить, а другую нет, – сказал Эйрик. – Для равновесия лучше не придумашь.

– Еще советы? – поинтересовался я.

– Я как-то смотрел по телеку интервью с каким-то старым актером, – сказал Ларс, – его спросили, есть ли у него в жизни такой опыт, которым он хотел бы поделиться со зрителя-

ми. Он сказал, что да, есть. Душ в ванной надо вешать так, чтобы лилось точно в ванну. А не то весь пол зальешь.

Мы засмеялись. Ларс с довольным видом огляделся. Из-за его спины показалась Лина. Она вернулась ни с чем.

– Там очередь была, – сказала она, – но в поезде есть буфет.

– Есть, – кивнул я.

– Пошли?

– Ладно, – согласился я, – как говорит Флекснес², вот и ладушки. Хватит с меня этого вашего Кристиансанна!

Они по очереди обняли меня. Эту традицию мы завели во втором классе гимназии – каждый раз, встречаясь, мы обнимались.

Потом я закинул на спину рюкзак, подхватил чемодан и следом за Линой вошел в вагон. Они помахали мне, а потом поезд тронулся и они побрели к парковке.

Почти не верилось, что это было всего два дня назад.

Я отложил книгу и, свернув еще одну самокрутку и отхлебнув холодного кофе, перечитал три написанных предложения.

Машин возле магазина стало меньше. Я сходил на кухню за яблоком и снова уселся за письменный стол. За следующий час я написал три страницы. В них говорилось о двух

² Марве Алмар Флекснес – вымышленный персонаж, герой норвежской юмористической телепередачи, выходившей на экраны с 1972 по 2002 г.

пареньках из поселка, и, насколько я мог судить, получалось неплохо. Наверное, еще страницы три – и можно заканчивать. А что, хорошо – в первый же день я здесь написал целый рассказ. В таком темпе у меня к Рождеству целый сборник наберется!

Поднявшись, чтобы выбросить гушу из кофейника, я увидел, как по ведущей от магазина дороге едет машина. Она остановилась возле дома завхоза, и из нее вышли двое мужчин лет двадцати пяти. Оба крепкие, но один высокий, а второй пониже и поплнее. Я взял кофейник, наполнил его водой из-под крана и поставил на плиту. Мужчины поднялись к дому. Чтобы они меня не заметили, я шагнул в сторону.

Возле входа шаги стихли.

Они что, ко мне пришли?

Один что-то сказал другому, и тишину в квартире разбил звонок.

Я вытер руки о штаны, прошел в коридор и открыл дверь.

Тот, что пониже, протянул руку. Лицо у него было квадратное, подбородок тяжелый, рот маленький, а глаза хитрые. Над верхней губой – темные усы, на щеках – щетина. На шее – толстая золотая цепочка.

– Реми, – представился он.

Я растерянно пожал ему руку.

– Карл Уве Кнаусгор, – сказал я.

– Франк, – представился высокий и тоже протянул мне огромную лапищу. Если у первого лицо было квадратным,

то у этого круглым. Круглым и мясистым. Толстые губы, царапины, почти розовая кожа. Жидкие светлые волосы. Он походил на ребенка-переростка. И глаза добрые, прямо как у ребенка.

– Пригласишь войти? – спросил тот, которого звали Реми, – ты тут, говорят, один сидишь, вот и решили тебе компанию составить. Ты ведь пока в деревне никого не знаешь.

– Ой, – сказал я, – очень мило. Проходите!

Я отошел в сторону. Мило! Что за херню я несу? Мне что, пятьдесят лет?

Они вошли в гостиную и огляделись. Реми закивал.

– Тут в прошлом году Харрисон жил, – сказал он.

Я взглянул на него.

– Он до тебя учителем работал, – пояснил он, – мы сюда часто приходили. Он клевый был.

– Очень прикольный, – поддакнул Франк.

– Никогда не отказывал, – сказал Реми.

– Мы по нему дико скучаем, – добавил Франк, – можно сесть?

– Да, конечно! – сказал я, – хотите кофе? Я уже кофейник поставил.

– Кофе? Да, спасибо.

Они сняли куртки, положили их на подлокотник и уселись на диван. Туловища у них смахивали на бочки. Руки у Франка были такие же толстые, как мои ноги. Даже повернувшись к гостям спиной, я ощущал их присутствие, оно наполняло

всю квартиру, отчего я чувствовал себя слабым и по-девичьи сублильным.

«Очень мило». «Хотите кофе».

Да что ж за херня, чашек-то у меня нет! Только та, что я с собой привез.

Я открыл шкафчик над плитой. Разумеется, пусто. А потом открыл дверцу снизу. Там, рядом со сливным шлангом, стоял стакан. Я ополоснул его, насыпал кофе в кофейник, легонько постучал им о плиту и вынес в гостиную. И огляделся, выискивая, на что бы его поставить.

Ладно, пускай будет «Райский сад».

– Ну чего? – спросил Реми, – чего скажешь, Карл Уве?

От фамильярности, с которой этот незнакомый человек назвал меня по имени, мне стало не по себе и щеки запылали.

– Да я не знаю... – ответил я.

– Мы сегодня на тусу собираемся, – сказал Франк, – в Грюллефьорд. Поедешь с нами?

– У нас в одной машине есть место свободное, и мы знаем, что в алкошоп ты сходить не успел, но у нас и на тебя выпивки хватит. Ну, чего скажешь?

– Даже не знаю, – проговорил я.

– Ну ты че, хочешь в пустой хате сидеть и по клавишам долбить?

– Да пускай сам решает! – вступился Франк.

– Да-да, ясное дело.

– Я поработать хотел, – сказал я.

– Поработать? Это чего делать-то? – спросил Реми, но тут заметил пишущую машинку. – Ты чего-то пишешь?

Щеки опять погорячели.

– Немного. – Я пожал плечами.

– Ого, да ты писатель! – воскликнул Реми, – ниче себе. – Он расхохотался. – Я за всю жизнь ни одной книжки не прочел. Даже когда в школу ходил. Вообще подальше от них держался. А ты? – он посмотрел на Франка.

– Я кучу прочел. Такие книжки, где про то, как коктейли делать.

Оба громко расхохотались.

– Это считается? – Реми посмотрел на меня. – Ты ж писатель. Такие книжки, где выпивку делать учат, – это литература?

Я растянул губы в улыбке.

– Книга – она и есть книга, – ответил я.

Они помолчали.

– Ты, слышал, из Кристиансанна? – спросил Франк.

Я кивнул.

– У тебя там телка есть?

Я чуть подумал.

– И да, и нет, – сказал я.

– И да, и нет? Это уже интересно! – обрадовался Реми.

– Прямо для тебя вариант, – Франк посмотрел на Реми.

– Для меня? Ну не. У меня они либо есть, либо нет.

Они снова умолкли и отхлебнули кофе.

– А дети у тебя есть? – поинтересовался Реми.

– Дети? – переспросил я. – Какие на хрен дети, мне всего восемнадцать!

Наконец-то реплика в тему.

– Вообще-то в жизни и такое бывает, – сказал Реми.

– А у вас что, дети есть? – спросил я.

– У Франка нету. А у меня есть. Сын. Девять лет. Со своей матерью живет.

– С ней у Реми было «либо есть», – встрял Франк.

Они засмеялись. А после оба посмотрели на меня.

– Ладно, чего мы его прямо в первый день достаем, – сказал Реми и поднялся. Следом за ним поднялся и Франк. Они взяли куртки и вышли в коридор.

– Ты про тусу подумай, – сказал Реми. – Мы у Хеге будем – на случай, если передумаешь.

– Да он же не знает, где Хеге живет, – сказал Франк.

– По верхней дороге поднимешься, а там четвертый дом слева. Сам увидишь. Рядом с домом машин будет много. – Он протянул руку – Давай, приходи. Спасибо за кофе!

Когда дверь за ними закрылась, я пошел в спальню и, улегшись на кровать, вытянул руки и ноги и прикрыл глаза.

К дому подъехала машина. И остановилась.

Я открыл глаза. Опять гости?

Нет. Где-то хлопнула дверь. Это мои соседи, кто бы они ни были, вернулись домой. Может, ездили в Финншенс за покупками.

Ох, как же меня тянуло позвонить и поговорить с кем-нибудь из знакомых!

Еще хотелось спать – уснуть, чтобы оказаться подальше от всего, но не получалось. Вместо этого я пошел в ванную, разделся и снова принял душ. Эдакий способ обмануть себя, заставить поверить, будто затевается что-то новое. Спать, конечно, лучше, но и душ неплохо. С мокрой головой и в липнувшей к спине рубашке я сел и продолжил писать. Двое подростков бродили по лесу. Они боялись лис. Каждый сжимал в руке пистолет, стреляющий пистонами, чтобы, если лисы появятся, отпугнуть их. Внезапно они услышали выстрелы. Они бросились туда, откуда доносились выстрелы, и прибежали к мусорной свалке посреди леса. А возле лежали двое мужиков – они стреляли крыс. На этом месте внутри у меня словно струна натянулась, меня захлестнули радость и сила, я как будто печатал слишком медленно, буквы не поспевали за историей, и чувство это было чудесным – чистым и блестящим.

Стрелявшие в крыс мужики ушли, и подростки притащили два стула и стол, сидели и читали порножурналы, и один из мальчишек – тот, кого звали Габриэль, сунул член в бутылочное горлышко, и его вдруг что-то ужасно укололо, а когда он вытащил член, то увидел, что на головке сидит жук. Гордон смеялся так, что свалился со стула. Они забыли о времени, и когда Габриэль опомнился, было слишком поздно. Когда он вернулся домой, отец был в ярости, до крови разбил

ему кулаком губы и запер в котельной. Там мальчик просидел всю ночь.

Когда я закончил, оставалось несколько минут до половины восьмого, а рядом с пишущей машинкой лежала стопка из семи листов. От ликования меня тянуло рассказать об этом. Кому угодно! Кому угодно!

Но я был совершенно один.

Я выключил машинку, сделал несколько бутербродов и ел их, стоя на кухне возле окна. Внизу по дороге, под начинающим сереть, но по-прежнему синеватым небом, кто-то быстро прошагал. Из туннеля одна за другой выехали две машины. Мне необходимо было выйти куда-нибудь. Дома сидеть больше не получалось.

И тут в дверь постучали.

Я открыл. За дверью стояла женщина лет тридцати в футболке и брюках. Черты лица мягкие, нос крупный, но не чрезмерно. Глаза карие. И добрые. Темно-русые волосы стянуты в хвост.

– Добрый день! – сказала она. – Вот решила с тобой познакомиться. Я твоя соседка сверху. И еще мы с тобой коллеги. Я тоже учитель. Меня Туриль зовут. – Она протянула мне руку.

Пальцы у нее были тонкие, но рукопожатие крепкое.

– Карл Уве, – представился я.

– Добро пожаловать, – она улыбнулась.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Я слышала, ты вчера приехал?

– Да. На автобусе.

– Ясно. Поболтать мы с тобой еще успеем, а сейчас я просто хотела сказать, что если тебе что-то понадобится – ну, там, сахар, кофе или постельное белье, да мало ли что – ты заходи, не стесняйся. Вот, например, радио у тебя есть? У нас одно точно лишнее!

Я кивнул.

– У меня плеер есть, – сказал я, – но спасибо. Очень мило с вашей стороны.

«Очень мило».

Она заулыбалась.

– Ну, тогда увидимся, – проговорила она.

– Да, увидимся, – ответил я.

Она ушла, а я все стоял в прихожей. Да что же это со мной творится?

После каждой встречи как ударенный.

Нет, надо пройтись.

Я оделся, чуть замешкался в ванной перед зеркалом, поправляя берет, вышел, запер дверь и направился вниз по дороге. Когда я спустился чуть ниже, из-за полосы гор показалось море, четкой линией отрезанное от неба. В небе неподвижно висели два больших белых облака. Вдоль противоположного берега фьорда шел маленький ботик. Фюглеой-фьорден – вот как этот фьорд называется. А остров – разумеется, Фюглеойе, Птичий остров. Первопроходцы, небось,

посмотрели и подумали: так, как этот фьорд назовем? Фискефьорден – Рыбный фьорд? Нет, так мы уже предыдущий назвали. А давайте назовем его Птичий фьорд? Да! Отлично придумано!

Я двинулся дальше, мимо рыбоприемника, совершенно пустынного, с нахохленными чайками на крыше, а затем до поворота, откуда дорога вела наверх. Прямо за последним домом вставала гора. Здесь не было никаких промежуточных этапов, к которым я привык там, где вырос, никаких зыбких, непонятно как называющихся участков, не принадлежащих ни человеку, ни природе. Здесь природа – и не та ласковая тихая природа Сёрланна, а дикая, суровая и обветренная, арктическая – начиналась прямо у порога.

Тут домов сто, навскидку?

Здесь, на дальнем севере, у подножия гор, у самого моря.

Ощущение было такое, будто я иду по краю света. Будто за ним ничего уже нет. Еще шаг – и мир останется позади.

Ох, как же потрясающе, что я буду здесь жить.

Кое-где в окнах домов, мимо которых я проходил, я замечал движение. Блики телевизора. Все это словно тонуло в шуме разбивающихся о берег волн или вплеталось в него, а ровный и размеренный рокот моря как будто превратился в свойство воздуха, так что воздух теперь мог не только похолодеть или потеплеть, но и звучал громче или тише.

Передо мной появился дом, где, судя по всему, жила эта самая Хеге. По крайней мере, возле дома стояло несколько

машин, из-за открытой двери на веранду доносилась музыка, а за большими окнами по моде семидесятых я разглядел сидящую за столом компанию. Меня тянуло подойти и постучаться, вряд ли они ждут от меня чего-то, я тут никого не знаю, вот и стесняюсь, все вполне естественно, поэтому можно будет просто молча сидеть и пить, пока выпивка не подействует и не растопит сжавшееся в комок сердце.

Раздумывая так, я не остановился и даже шаг не замедлил: заметь они, что я остановился в замешательстве, – и решат, будто что-то обо мне знают.

Наверное, мне хочется выплеснуть радость, но это было совершенно ни к чему, к тому же мне надо писать, думал я, шагая дальше; и вот уже дом остался позади. Ну все, теперь слишком поздно.

Возле своей двери я посмотрел на часы. Всю деревню я обошел за пятнадцать минут.

Значит, в течение целого года вся моя жизнь будет протекать внутри этих пятнадцати минут.

По телу пробежала дрожь. Я вошел в прихожую и снял верхнюю одежду. И, хотя знал, что это лишнее, запер дверь и не отпирал ее всю ночь.

На следующий день я никуда не выходил – сидел за столом, печатал, смотрел на людей, которые время от времени появлялись внизу на дороге и снова исчезали из виду, расхаживал по квартире, размышлял, что скажу во вторник на

уроках, придумывал одну за другой приветственные фразы и пытался разработать стратегию в отношениях с учениками. Сперва надо выяснить, какой у них уровень. Может, в самом начале следует провести тесты по всем предметам? И уже по результатам решать, что дальше? Хотя нет, тесты – это чересчур, как-то очень авторитарно получится, слишком по-учительски.

Тогда, может, придумать им задания и пускай дома их делают?

Нет. Каждый урок надо чем-то занять, так что лучше дать задания прямо в классе. Завтра их и придумаю.

Я пошел в спальню и, улегшись в кровать, принялся за две купленные книжки, а дочитав их, переключился на статьи в привезенном из Осло литературном журнале, но мало что понял. Большинство слов выглядели знакомыми, но их смысл словно ускользал, как будто они рассказывали о незнакомом мире, на который язык из мира прежнего не рассчитан. Но одна вещь выделялась из всего остального – описание книги под названием «Улисс», которое в своей чужеродности показалось мне невероятным. Мне рисовалась гигантская башня, словно блестящая от влаги, вокруг нее – туман и слабый, бледный солнечный свет, едва пробивающийся из-за туч. Эту книгу называли венцом модернизма, а для меня модернизм означал стремительные гоночные машины, летчиков в авиашлемах и кожаных куртках, цеппелины, парящие над небоскребами в сверкающих, но темных городах,

компьютеры, электронную музыку. И такие имена, как Герман Брох, Роберт Музиль, Арнольд Шёнберг. И в этот мир, понял я, оказались подняты со дна элементы прежних, давно исчезнувших культур; например, Вергилия поднял Брох, а Одиссея – Джойс.

Вчера в магазине я не учел, что сегодня воскресенье, поэтому опять ел бутерброды с паштетом и майонезом, когда в дверь вдруг позвонили. Тыльной стороной ладони я вытер рот и поспешил в прихожую.

За дверью стояли две девушки. Одну из них я тотчас же узнал – это она сидела неподалеку от меня в автобусе по пути сюда.

Она улыбнулась.

– Привет! – поздоровалась она, – узнаешь меня?

– Разумеется, – сказал я, – ты девушка из автобуса.

Она рассмеялась:

– А ты – новый учитель в Хофьорде! Я когда тебя увидела, так и подумала, но засомневалась. Но вчера на вечеринке стало уже точно ясно.

Она протянула мне руку.

– Меня Ирена зовут, – представилась она.

– Карл Уве, – я улыбнулся.

– А это Хильда, – она показала на другую девушку, и я пожал руку и той тоже, – мы двоюродные сестры. Я к ней в гости пришла. Но на самом деле это просто предлог, чтобы с тобой познакомиться. – Она рассмеялась: – Ладно, шучу.

– Зайдете? – спросил я.

Они переглянулись.

– Да, конечно, – сказала Ирена.

На ней были синие джинсы, синяя джинсовая куртка, а под ней – белая кружевная блузка. Девушка была полноватой, с широкими бедрами и пышной грудью. Волосы светлые, до плеч, кожа бледная, на носу – редкие веснушки. Голубые глаза – большие и озорные. В прихожей я почувствовал аромат ее духов, а когда она сняла куртку и, так как вешалок там не было, чуть нерешительно протянула ее мне, у меня снова встал.

– Давай твою тоже, – сказал я Хильде, на которую двоюродная сестра совершенно не обращала внимания, и та, застенчиво улыбнувшись, протянула мне куртку. Я повесил их на спинку стула, стоявшего возле письменного стола, и сунул руку в карман брюк, чтобы девушки не заметили, как оттопырились у меня брюки. Мои гости немного нерешительно вошли в комнату.

– Мои вещи еще не доехали, – сказал я, – но скоро доедут.

– Да, грустновато тут. – Ирена улыбнулась.

Девушки уселись на диван и плотно сдвинули колени, а я, сев на стул напротив, закинул ногу на ногу, потому что бугор на штанах никуда не делся. Еще бы, ведь она сидела в метре от меня.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Восемнадцать, – ответил я, – а тебе?

– Шестнадцать, – сказала Ирена.

– Семнадцать, – подала голос Хильда.

– Ты, значит, только после гимназии? – спросила Ирена.

Я кивнул.

– А я во втором классе гимназии учусь, – сказала Ирена, – в Финнснесе. Там школа-интернат. Я в общежитии живу. Если хочешь, заходи в гости. Ты наверняка будешь в Финнснесе.

– Хорошо, зайду, – согласился я.

Наши взгляды встретились.

Она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

– Но вообще-то я из Хеллевики. Это такая деревня – если дальше ехать, через гору, то приедешь в Хеллевику. Несколько километров отсюда. Ты машину водишь?

– Нет, – сказал я.

– Жалко, – она вздохнула.

Мы немного помолчали. Я встал, принес пепельницу и пачку табака и скрутил себе самокрутку.

– Не угостишь? – попросила она. – Мои в куртке лежат.

Я бросил ей пачку.

– Я когда вчера тебя в автобусе увидела, – проговорила она, мастеря самокрутку, – то даже посмеялась. У тебя был такой вид, будто ты в окно решил вылезти.

Они расхохотались. Ирена облизнула клейкую полоску на бумаге, примяла самокрутку указательными и большими пальцами, сунула ее в рот и закурила.

– Здесь так охрененно красиво оказалось, – сказал я, – а я же не знал, как оно тут будет. Я про Хофьорд только название и знал, да и его узнал недавно.

– А почему тогда ты сюда приехал?

Я пожал плечами:

– Мне на бирже труда дали список мест, и я выбрал это. Этажом выше слышались шаги, и мы все посмотрели на потолок.

– Ты уже познакомился с Туриль? – спросила Ирена.

– Да вроде как, – ответил я, – а ты ее знаешь?

– Конечно. Тут все друг друга знают. В Хеллевике и Хофьорде.

– И на Фюглеойе, – добавила Хильда.

Повисла тишина.

– Хотите кофе? – я привстал.

Ирена покачала головой:

– Нет, нам, наверное, пора. Что скажешь?

– Надо идти, – поддакнула двоюродная сестра.

Мы встали, я взял их куртки и, подавая ей куртку, подошел ближе, чем, строго говоря, требовалось. Полный воспоминаний о ее бедрах, туго обтянутых джинсами, о ее икрах, лодыжках и удивительно маленьких ступнях, о ее горле и полной груди, ее небольшом носике и голубых глазах, одновременно доверчивых и наглых, я прикрыл дверь. Девушки просидели у меня минут десять, может, пятнадцать.

Я пошел на кухню варить кофе, когда в дверь снова по-

стучали. Она вернулась, но на этот раз одна.

— На следующие выходные в Хеллевики вечеринка будет, — сказала она. — Я поэтому и заходила — хотела тебе сказать. Хочешь сходить? Как раз с местными познакомишься.

— Ясное дело, хочу, — ответил я. — Если получится, то обязательно приду.

— Получится? — переспросила она. — Просто поезжай с кем-нибудь — туда все поедут. Там и увидимся! — Она подмигнула, повернулась и пошла вниз по дороге, к Хильде, которая ковыряла ботинком асфальт на обочине.

На следующее утро, когда едва перевалило за восемь, я впервые за сутки вышел из квартиры. Солнце, висящее над горами на востоке, светило прямо в дверь, а когда я закрыл ее, то лицо мне погладил ласковый летний воздух. Однако стоило мне отойти на несколько метров, туда, где тянулась тень от гор, как стало холоднее, и мысль о том, что в воздухе тоже существуют омуты, течения и заводи, стремнины и пороги, странным образом бодрила. Передо мной, на небольшой площадке, располагалась школа. Я не то чтобы боялся туда идти, но нервничал, и по мере приближения меня крошечными молниями пронзала тревога.

Школа ничем не отличалась от других: с одной стороны — длинное одноэтажное здание, связанное смахивающим на туннель переходом с другим корпусом, более новым и высоким, где располагались мастерские, спортзал и маленький

бассейн. Между двумя корпусами был школьный двор, он продолжался и позади, до полноценного футбольного поля. За ним на насыпи возвышалось здание, которое я принял за общественный центр.

Перед входом в школу стояли две машины – большой белый джип и низенький черный «ситроен». В школьных окнах блестело солнце. Дверь была открыта, и я вошел в вестибюль, где линолеум казался почти белым в солнечных лучах, падающих длинными полосами сквозь стекло на двери. Пройдя по коридору, я завернул за угол и увидел три двери справа и две слева, а дальше коридор заканчивался просторным помещением. Там кто-то стоял и смотрел на меня. Это был мужчина с бородой и лысиной. Лет тридцати – тридцати пяти.

– Привет! – сказал он.

– Привет, – ответил я.

– Ты, наверное... Карл Уве?

– Так и есть, да. – Я подошел ближе и остановился.

– Стуре, – представился он.

Мы обменялись рукопожатием.

– Что ты Карл Уве, это чистая догадка, – он улыбнулся. – Просто на Нильса Эрика ты не похож.

– На Нильса Эрика? – не понял я.

– Да, вас тут двое – учителей с юга. Ты и Нильс Эрик. Все остальные – наши местные, без специального образования, поэтому их я знаю.

– А вы откуда?

– А то!

Он несколько секунд смотрел мне прямо в глаза. Мне сделалось неприятно. Он что, как-то проверить меня решил? Но сдаваться не хотелось, и взгляд я выдержал.

– Ты очень молодой, – проговорил, наконец, он и посмотрел в сторону, на дверь, возле которой мы стояли. – Но мы это знали. Все будет хорошо! Иди познакомься с остальными.

Он показал на дверь. Я открыл ее и вошел внутрь. За ней оказалась учительская. Кухонный уголок, кресла, диван, заваленный бумагой закуток с ксероксом и боковая комнатка с письменными столами по обе стороны.

– Здравствуйте! – сказал я.

За столом сидело шесть человек. Все взгляды обратились ко мне.

Они закивали и забормotalи приветствия. Тут из кухонного закутка вышел невысокий, но крепкий и энергичный мужчина с рыжей бородой.

– Карл Уве? – Он широко улыбнулся, а когда я кивнул, пожал мне руку и повернулся к остальным.

– Этот молодой человек – Карл Уве Кнаусгор, он приехал к нам работать из самого Кристиансанна!

Потом он представил мне всех сидевших в учительской, но их имена я забыл в следующую секунду. У каждого была

чашка с кофе – в руках или на столе, и все, кроме одной женщины, были молодые. Насколько я мог судить, слегка за двадцать.

– Присаживайся, Карл Уве. Кофе выпьешь?

– С удовольствием, – я втиснулся сбоку на диван.

Следующие несколько часов директор – ему было около сорока, и звали его Ричард – рассказывал нам про школу. Практикантам показывали разные помещения и выдавали ключи, потом между нами распределяли столы, а после мы познакомились с расписанием и всякими мелочами. Народу в этой небольшой школе училось так мало, что на многих уроках классы объединяли. Туриль взяла классное руководство в первом и втором классах, Хеге – в третьем и четвертом, я – в пятом, шестом и седьмом, а Стуре – в восьмом и девятом. Почему именно меня назначили классным руководителем, я понятия не имел, но мне сделалось не по себе, во многом оттого, что Нильс Эрик – другой учитель-практикант, тоже с юга, – был, во-первых, существенно старше меня, ему было двадцать четыре, а во-вторых, на следующий год он собирался в пединститут. К работе он относился серьезно, видел в ней будущее, мне же было все равно, уж кем-кем, но учителем становиться у меня и в мыслях не было. Остальные практиканты были местные, знали особенности работы и наверняка лучше справились бы с ответственностью за собственный класс. По всей видимости, директор выбрал меня исхо-

дя из моего резюме, и мне стало не по себе, потому что там я приукрасил себя больше, чем позволяют приличия.

Директор показал нам, где лежат поурочные планы, и рассказал о вспомогательных материалах, которыми нам можно пользоваться. Примерно в час мы закончили, и я дошел до расположенной на другом конце деревни почты – завел там себе абонентский ящик и отправил несколько писем, дальше отправился в магазин за продуктами, а дома приготовил ужин, валялся на кровати, писал соображения насчет преподавания, но получалось глуповато, как-то чересчур очевидно, поэтому я смял записи и выкинул.

У меня и так все под контролем.

Ближе к вечеру я снова отправился в школу. Удивительное чувство – отпираешь дверь и идешь по коридорам, пустынным и тихим, залитым сероватым вечерним светом. Полки и шкафы пусты, кабинетов словно бы и нет.

В учительской, в отдельном закутке, стоял телефон, я зашел и позвонил маме. У нее сегодня тоже был первый рабочий день в новой школе, и она обустранивалась в новой квартире, которую сняла неподалеку от центра Фёрде. Я немного рассказал, как мне тут и как я переживаю из-за завтрашних уроков. А она ответила, что уверена – у меня все отлично получится, и, хотя полагаться на ее заверения не стоило, как ни крути, она моя мама, мне, однако, стало легче.

Положив трубку, я подошел к ксероксу и сделал десять

копий моего рассказа. На следующий день я собирался разослать их знакомым. Потом заглянул во все школьные помещения. В спортивном зале я открыл большие, как в гараже, ворота в маленькую комнатку, где было сложено снаряжение, вытащил мяч, поотбивал его по полу, забросил несколько раз в гандбольные ворота на противоположном конце зала. Выключив свет, я зашел в помещение бассейна, где неподвижно темнела вода. Потом в мастерские, а оттуда – в кабинет естественных наук. Из окон открывался вид на деревню, на маленькие разноцветные и словно пульсирующие домики возле гор и дальше на море, на бескрайнее море, и вырастающее из него небо, заполненное вытянутыми, похожими на дым облаками.

Завтра утром сюда придут ученики, и тогда все начнется всерьез.

Я погасил свет, запер за собой дверь и, позвякивая увесистой связкой ключей, зашагал вниз по дороге.

Проснувшись на следующее утро, я так распереживался, что меня едва не стошнило. Помимо чашки кофе мне ничего не удалось в себя впихнуть. В школу я явился за полчаса до начала первого урока, уселся за свой стол и полистал учебники. Настроение у учителей, сновавших между классами, ксероксом, кухонькой и креслами, было непринужденное и приподнятое. За окном на дороге показались первые ученики. Грудь мне стянуло от ужаса. Сердце колотилось, как буд-

то его сдавили. Я смотрел на буквы в раскрытой книге, но их смысл от меня ускользал. Спустя некоторое время я встал и направился на кухню налить себе кофе. Обернувшись, я перехватил взгляд Нильса Эрика. Он вальяжно откинулся на спинку дивана, широко расставив ноги.

– У тебя нет первого урока? – спросил я.

Он кивнул. Щеки у него были слегка розоватые. Волосы – темные и такие же непослушные, как у Гейра – моего закадычного друга, а глаза голубые.

– Стремно до ужаса, – признался я, опускаясь на стул напротив.

– Чего тебе стремно-то? – удивился он. – Ты же знаешь, что в каждом классе всего-то человек пять-шесть?

– Ну да – ответил я. – И тем не менее.

Он улыбнулся:

– Хочешь, поменяемся? Они же нас не знают. Я буду Карл Уве, а ты – Нильс Эрик.

– Запросто, – согласился я. – А что мы скажем, когда надо будет обратно меняться?

– Обратно меняться? А зачем?

– Скажешь тоже. – Я взглянул в окно. Ученики, собравшись группками, стояли на школьном дворе. Некоторые гонялись друг за дружкой. Тут же стояло несколько мамаш. Дети возле них были нарядные.

Ну, разумеется. Кто-то пришел сегодня в школу в первый раз. Первый раз – в первый класс.

– Ты откуда приехал? – спросил я.

– Из Хокксунна, – ответил он, – а ты?

– Из Кристиансанна.

– Хорошо! – сказал он.

Я покачал головой.

– Нет, вот тут ты ошибаешься, – сказал я.

Он хитро посмотрел на меня.

– Ну-ну, – сказал он, – ты подожди пару лет.

– И что через пару лет будет? – поинтересовался я.

В эту секунду прозвенел звонок.

– Через пару лет тебе твой родной город раем покажется, – проговорил он.

Что ты вообще об этом знаешь, подумал я, но, ничего не сказав, поднялся, взял в одну руку чашку с кофе, в другую – книги и направился к двери.

– Удачи! – сказал он мне вслед.

В седьмом классе училось пятеро. Четыре девочки и один мальчик. Кроме того, я отвечал еще за троих учеников – из пятого и шестого. Всего получалось восемь.

Когда я встал перед учительским столом и положил вещи, все уже сидели за партами и смотрели на меня. Ладони у меня вспотели, сердце колотилось, а когда я делал вдох, дыхание становилось неровным.

– Здравствуйте, – начал я, – меня зовут Карл Уве Кнаусгор, я приехал из Кристиансанна и в этом году буду вашим

классным руководителем. Я думаю, для начала устроим перекличку? Список у меня есть, но я пока не знаю, кто из вас кто.

Пока я говорил, они украдкой переглядывались, а две девочки тихонько захихикали. Их внимание ко мне было неопасным – это я сразу заметил. Оно было детским. Передо мной сидели дети.

Я взял список с их именами. Посмотрел на него, а потом на них. Я узнал девочку из магазина. Но самые сильные чувства исходили от другой девочки – рыжеватой, в темных очках. Она была настроена недоверчиво, и я это ощущал. Остальные ничего против меня не имели.

– Андреа? – начал я.

– Здесь, – сказала девочка из магазина. Она произнесла это, опустив глаза, но, уже сказав, посмотрела на меня, и я улыбнулся, давая понять, что ничего страшного в этом нет.

– Вивиан?

Ее соседка хихикнула.

– Это я! – сказала она.

– Хильдегюнн?

– Я, – откликнулась девочка в очках.

– Кай Руал?

Он оказался единственным мальчиком в седьмых классах. Одетый в джинсы и джинсовую куртку, он вертел в руках ручку.

– Здесь, – сказал он.

– Ливе? – продолжал я.

Длинноволосая круглолицая девочка в очках улыбнулась:

– Это я.

Потом дошла очередь до шестиклассников и пятиклассницы.

Я отложил список и присел на стол.

– Я буду учить вас норвежскому, математике, основам христианства и естественным наукам. Вы хорошо учитесь?

– Не особо, – ответила рыжая девочка в очках, – учителя у нас меняются каждый год, все они приезжают с юга, и никакого образования у них нет.

Я улыбнулся. А она нет.

– А какие вы любите предметы?

Они переглянулись. Отвечать, судя по всему, никто не рвался.

– Вот ты, Кай Руал?

Мальчик заерзал. На щеках у него проступил бледный румянец.

– Не знаю, – ответил он, – наверное, труд. Или физкультура. Но точно не норвежский!

– А тебе? – я кивнул девочке из магазина и сверился со списком: – Андреа?

Она положила под партой ногу на ногу и, склонившись вперед, что-то рисовала.

– У меня нету любимых предметов, – сказала она.

– Тебе все предметы не нравятся или наоборот – все нра-

вятся? – не отставал я.

Она подняла голову. Глаза у нее ожили.

– Не нравятся! – заявила она.

– А все остальные – вы тоже так считаете? – спросил я.

– Да! – подтвердили они.

– Ну ладно, – сказал я, – просто дело в том, что нам с вами все равно надо провести эти уроки, независимо от того, нравятся вам это или нет. Поэтому давайте проведем это время с пользой. Согласны?

Никто не ответил.

– Я про вас ничего не знаю, поэтому решил первые уроки посвятить знакомству, а потом уже решим, что будем делать.

Я встал, отхлебнул кофе и вытер тыльной стороной ладони рот. Из-за стены слышалось пение. Голос высокий и чистый. Наверное, Хеге. А затем к ней присоединились слабые детские голоса.

Это были первоклассники!

– Для начала я бы хотел дать вам задание, – продолжал я. – Напишите мне что-то вроде резюме на одну страничку. Расскажите о себе.

– О нет, только не писать! – вырвалось у Кая Руала.

– А что такое резюме? – спросила Вивиан.

Я взглянул на нее. Подбородок у нее почти не закруглялся, поэтому лицо казалось квадратным, но при этом не грубым – было в ней нечто мягкое, щенячье. Когда она улыбалась, голубые глаза почти исчезали, а улыбается она, как я

понял, часто.

– Это значит, что надо написать о себе, – ответил я. – Представь себе, что ты рассказываешь о себе кому-то, кто тебя не знает. О чем ты первым делом напишешь?

Она села по-другому, неуклюже сплетя ноги.

– Наверное, что мне тринадцать лет? Я живу в Хофьорде и учусь в седьмом классе?

– Очень хорошо, – похвалил я. – А еще, наверное, про то, что ты девочка?

Она хихикнула.

– Да, это тоже полезно знать, – согласилась она.

– Ну ладно, – сказал я, – напишите страничку о себе. Или, если хотите, больше.

– Вы это вслух будете читать? – поинтересовалась Хильдегюнн.

– Нет, – ответил я.

– А на чем нам писать? – спросил Кай Руальд.

Я стукнул себя по лбу.

– Ну конечно! Я же вам тетрадки не раздал!

Они тихонько засмеялись – они ведь дети, им от такого весело. Я бросился в учительскую, принес стопку тетрадей и раздал их – и вскоре все уже сидели и дружно выводили буквы, а я стоял у окна и смотрел на горные вершины на противоположном берегу фьорда, там, где они словно вкручивались в небо, холодные и черные, в светлую и легкую его ткань.

Когда прозвенел звонок и я собрал тетради, в теле пузырилось почти ликующее чувство. Все прошло хорошо, зря я боялся. После двенадцати лет учебы момент, когда открываешь дверь иходишь в учительскую, доставлял особенную радость: я пересек черту, я перешел на другую сторону, стал взрослым, и теперь я отвечаю за собственный класс.

Я положил вещи на стол, налил кофе и, усевшись на диван, посмотрел на остальных учителей. Я попал за кулисы, – подумал было я, но мысль эта, сперва приятная, в следующую секунду вывернулась наизнанку: что за херня, разве к этому я стремился, да я же учитель – унылее участи не придумаешь. Закулисы – это музыканты, телки, бухло, турне, слава. С другой стороны, я же здесь не насовсем. Это лишь ступенька.

Я сделал глоток и взглянул на дверь, которая в ту же секунду отворилась. Это пришел Нильс Эрик.

– Ну как прошло? – спросил он.

– Хорошо прошло, – ответил я, – зря я вообще боялся.

Из-за спины у него вынырнула Хеге.

– Какие они славные, – проговорила она. – Такие чудесные малыши!

– Карл Уве? – окликнули меня из кухонного закутка.

Я заглянул и увидел Стуре с чашкой кофе.

– Ты же в футбол играешь, верно?

– А то, – ответил я, – но не особо хорошо. Я два сезона

назад играл в пятой лиге.

– У нас тут есть команда своя, – сказал он, – я их тренер. Мы в седьмой лиге, поэтому ты легко справишься. Хочешь с нами играть?

– Конечно.

– Тур Эйнар тоже с нами. Да, Тур Эйнар? – Он заглянул в комнатку с письменными столами.

– Ты опять про меня гадости говоришь? – слышалось оттуда, а спустя секунду Тур Эйнар заглянул к нам.

– Тур Эйнар в юности играл в четвертой лиге, – сказал Стуре, – но других талантов у него, к сожалению, нет.

– Зато я, по крайней мере, не облысел, – Тур Эйнар вошел в кухню, – поэтому мне не приходится для поддержания мужественного образа отращивать бороду. В отличие от некоторых.

Тур Эйнар был родом из Финнснеса, белокожий и веснушчатый, с прямыми рыжеватыми волосами и вечной улыбкой. Движения у него были медленные и продуманные, почти театральные, он словно старался показать: вот идет тот, кто живет в собственном темпе, а остальные ему до лампочки.

– Ты кем играл? – спросил он.

– Полузащитником, – ответил я. – А ты?

– Центральным полузащитником, – он подмигнул.

– А-а, центртерьер, – кивнул я, – а меня лосем прозвали. Такое прозвище само за себя говорит...

Он расхохотался.

– Почему лосем? – не поняла Хеге.

– Бегал так, – объяснил я, – широким шатким шагом и не меняя скорости.

– А другие звери на футбольном поле есть? – спросила она.

– Неужели нет? – я посмотрел на Тура Эйнара.

– Есть, а как же, форвард – сильный, как бык. Пробивает в ворота.

– И тигр, – добавил я. – Вратарь прыгает, как тигр. Кстати, и генерал есть.

– А это кто?

– Это тот, кто знает, где находится каждый из команды, и в нужный момент готов передать им мяч.

– Какое ребячество! – воскликнула Хеге.

– И еще либеро! – вспомнил Тур Эйнар.

– И лиса в клетке. И, разумеется, одинокий волк.

– Вы судью забыли, – сказал Нильс Эрик, – судья – это козел.

– И вы играете в такое по доброй воле! – поразилась Хеге.

– Я – нет, – сказал Нильс Эрик.

– Но вы-то двое играете. – Она посмотрела на меня.

Прозвенел звонок. Я встал, чтобы взять книги для следующего урока. Стуре положил мне на плечо руку.

– У тебя сейчас мой класс, верно? – спросил он.

Я кивнул.

– Да, у них английский.

– Там есть один такой Стиан. Поосторожнее с ним. Он, возможно, попробует тебя подкалывать, но ты не обращай внимания, и он уймется. Ладно?

Я пожал плечами.

– Будем надеяться, – сказал я.

– Если не загонять его в угол, то с ним не сложно.

– Ладно, – сказал я.

Английский я знал хуже всего, между мною и старшими учениками было всего два года разницы, поэтому, когда я дошел до второго крыла, где сидели восьми- и девятиклассники, желудок у меня снова сжался от страха.

Я положил стопку книг на стол.

Ученики расселись по классу так, словно их раскидало центрифугой. Все они делали вид, будто меня тут нет.

– *Hello, class!* – сказал я. – *My name is Karl Ove Knausgård, and I'm going to be your teacher in English this year. How do you do?*³

Все молчали. В классе было четверо мальчиков и пять девочек. Некоторые посмотрели на меня, другие сидели и царапали что-то в тетрадях, одна девочка вязала. Я узнал мальчика, которого видел возле киоска. На голове у него была бейсболка. С издевкой поглядывая на меня, он раскачивался

³ Привет, класс. Меня зовут Карл Уве Кнаусгор, и я в этом году буду вашим учителем английского. Как дела? (англ.)

на стуле. Это, видимо, и был Стиан.

– *Well*, – начал я. – *Now I would like you to introduce yourself*⁴.

– По-норвежски давай! – сказал Стиан.

Парень за его спиной, поразительно тощий и высокий, даже выше меня – а я метр девяносто четыре, – громко засмеялся.

Кто-то из девочек хихикнул.

– *If you are going to learn a language, then you have to talk it*⁵, – сказал я.

Одна девочка, темноволосая и белокожая, с правильными чертами чуть полноватого лица и голубыми глазами, подняла руку.

– *Yes*?⁶ – Я посмотрел на нее.

– *Isn't your English a bit too bad? I mean, for teaching?*⁷

Я почувствовал, как кровь бросилась в лицо, шагнул вперед и, пытаясь успокоиться, улыбнулся.

– *Well*, – проговорил я. – *I have to admit that my English isn't exactly perfect. But that isn't the most important thing. The most important is to be understood. And you do understand me?*⁸

⁴ Ну что ж, сейчас я бы хотел, чтобы вы представились (*англ.*).

⁵ Если собираешься учить язык, надо на нем разговаривать (*англ.*).

⁶ Да? (*англ.*).

⁷ А твой английский не слабоват? В смысле для учителя? (*англ.*)

⁸ Ну что ж, вынужден признать, что английский мой не совершенен. Но это не самое важное. Самое важное – чтобы тебя понимали. А ты же меня понимаешь? (*англ.*)

– *Sort of*⁹, – ответила она.

– *So*, – продолжал я. – *What's your name, then?*¹⁰

Она закатила глаза.

– *Camilla*¹¹, – сказала она.

– *Full sentences, please?*¹²

– *Ox! My name is Camilla. Happy?*¹³

– Да, – ответил я.

– *You do mean yes?*¹⁴ – поддела меня она.

– *Yes*, – ответил я и опять покраснел.

– *So. What's your name?*¹⁵ – Я посмотрел на девочку, сидевшую позади Камиллы.

Та подняла голову и взглянула на меня.

Ой-ой!

Какая красotka!

Ласковые голубые глаза, которые превращались в щелочки, когда она улыбалась. Крупный рот. Высокие скулы.

– Меня зовут Лив. – И она засмеялась.

– *Camilla, Liv. And you?*¹⁶ – я кивнул Стиану.

⁹ Вроде как. (англ.)

¹⁰ Итак, как тебя зовут? (англ.)

¹¹ Камилла. (англ.)

¹² Полным предложением, пожалуйста. (англ.)

¹³ Меня зовут Камилла. Доволен? (англ.)

¹⁴ Ты хотел сказать – да? (англ.)

¹⁵ Да. Итак, как тебя зовут? (англ.)

¹⁶ Камилла, Лив. А тебя? (англ.)

– Стиан меня звать, – бросил он.

– *Well*, – сказал я. – А по-английски это как?

– Стиан! – буркнул он.

Все засмеялись.

Прозвенел звонок, и я, совершенно измотанный, вышел из класса. Столько всего пришлось отразить, столько понять, столько игнорировать, столько подавить. Эта Камилла зевала и потягивалась, глядя мне прямо в лицо. Она была в футболке, и под белой тканью отчетливо вырисовывалась грудь, большая и округлая. Член у меня затвердел, с этим я ничего не мог поделать, как ни пытался думать о чем-нибудь еще. Как же я был рад, что сижу за учительским столом! Эта Лив была мало того что красива, но еще и полна очарования, застенчива и в то же время откровенна, помимо того, что в ней ощущалось что-то дикое – таящееся, видимо, прежде всего в густых темно-русых волосах и множестве позвякивающих браслетов, а еще в контрасте между сдержанностью жестов и блеском глаз, отчего забыть о ее присутствии было решительно невозможно. А еще был Стиан – он вертел в руках перочинный ножик, дерзил при каждой удобной возможности и не желал выполнять задания, а его приятель, Ивар, смеялся над каждым его словом, гулким, слегка дурацким смехом, одновременно поглядывая вокруг. Но смотрел он открыто, в том числе и на меня, его я вполне мог завоевать, пару раз он даже смеялся над тем, что я сказал.

В учительской я рухнул на диван. Девушка по имени Вибекке остановилась рядом и улыбнулась. У нее, девятнадцатилетней, крупной и ширококостной, было круглое лицо, веселые голубые глаза и светлые волосы с перманентной завивкой.

– Как дела? – спросила она?

– Хорошо, – ответил я. – А у тебя?

– Тоже неплохо, – сказала она, – но я, наверное, тут все лучше знаю, чем ты. Я раньше в этой школе сама училась.

С ответом я не нашелся, и Вибекке, опять улыбнувшись, направилась к письменным столам. Рядом со мной сидела Яне, тоже из местных и тоже рослая, чуть за двадцать, с руками вдвое толще моих. Нос у нее был длинный и прямой, почти римский, щеки плоские, губы тонкие, часто с брезгливо опущенными уголками, словно она ни за что на свете не прикоснется ни к чему из того, что видит. Смотрела она недовольно, да и всем видом будто излучала неприязнь. Но я несколько раз замечал, как она смеется, как оживает и меняется, целиком и полностью, и не может остановиться; и смотреть, как она пытается унять смех и снова овладеть собой, было чистое наслаждение.

Помимо молодых, здесь была учительница постарше, Эва, женщина хорошо за сорок, а на вид и того больше, преподавательница рукоделия и домоводства, маленькая, худощавая, с острым лицом, жидкими светлыми волосами и резким голосом; она сидела по другую сторону стола, положив на

колени вязанье. Ко мне она относилась с недоверием, это я понял по тому, как она смотрела или не смотрела на меня. Впрочем, она права – что я тут вообще делаю? Чего хочу от этой работы?

Когда после урока английского я вошел в учительскую, Эва подняла на меня глаза, и я подумал, что она понимает, какие меня переполняют чувства.

Это было немыслимо, но мне все равно так показалось.

На большой перемене я дошел до расположенной на другом конце деревни почты. На солнце горные склоны были ярко-зелеными. Море – темно-синим. Что-то в освещении и, возможно, холодок в воздухе, точно притаившийся под теплом и свойственный августу, пробуждали воспоминания обо всех тех годах, когда я сам возвращался после каникул в школу; то волнение, то предвкушение – возможно, в этом году случится что-нибудь потрясающее?

На поросшем травой склоне за последним рядом домов зелень уже разбавляли капли желтого. Естественно, осень приходит сюда раньше. Мимо проехала машина, и я кивнул. Сидящая за рулем женщина – наверняка, мать кого-нибудь из детей – кивнула в ответ, а я свернул на тропинку к почте, которая занимала первый этаж обычного дома. В коридоре стояли ящики, дальше виднелась стойка, почтовые плакаты на стенах, подставки с открытками и конвертами.

За стойкой стояла женщина лет пятидесяти. Химическая

завивка, рыжеватые, жидковатые волосы, очки, на шее – тонкая золотая цепочка. Возле столика у окна стоял старик с хондунками. Ребром монеты он соскребал с лотерейного билета защитный слой.

– Здравствуйте, – поздоровался я с продавщицей и положил конверты на стойку. – Мне нужно вот эти письма отправить.

– Давайте отправим, – сказала она. – Кстати, вам уже письмо пришло.

– Правда? – удивился я. – Неплохо!

Пока она взвешивала письма и доставала марки, я открыл ящик. Письмо было от Лины.

Я вернулся к стойке, расплатился, распечатал письмо и, шагая вверх по тропинке, принялся читать.

Она писала, что сидит в комнате и думает обо мне. Я очень нравлюсь ей – так она писала, нам было просто замечательно вместе, но на самом деле она никогда меня не любила, поэтому сейчас, когда мы разъехались, нам правильнее и честнее расстаться. Она желает мне всего наилучшего, советует развивать писательский талант, она сама тоже будет развивать свой талант художника, а еще просит не сердиться на нее, просто у нас началась новая жизнь, мы далеко друг от друга, она завтра уезжает в народный университет, а я, скорее всего, уже в деревне, где мне предстоит работать, а поскольку она меня не любит, то придется расстаться – любое другое решение стало бы для нее предательством по от-

ношению к самой себе. Но человек я замечательный, и дело не во мне. Чувствами управлять невозможно, они такие, какие есть.

Я сунул письмо в карман пальто.

Я тоже не был влюблен в Лину, и все, что она говорила обо мне, я вполне мог бы сказать о ней. Тем не менее, прочитав ее письмо, я расстроился и чуть разозлился на нее. Мне-то хотелось, чтобы она меня любила! Я не собирался продолжать с ней отношения и был рад, что все закончилось, вот только это я должен был ее бросить. А теперь получилось, будто она меня опередила, отказала мне, и еще она, видимо, пребывала в заблуждении, что я ее люблю и что ее письмо разобьет мне сердце.

Ну да ладно.

В рыбоприемнике кипела жизнь. У причала стояли несколько лодок, по асфальту колесили два погрузчика, время от времени пропадая в темном цеху. Там же расхаживали мужчины в высоких резиновых сапогах, с торца здания курила группа женщин в расстегнутых белых халатах и белых шапочках, а в воздухе над ними метались орущие чайки. Я заглянул в магазин – купил булочек, сыра, пачку маргарина и литр молока и поздоровался с продавцом, который поинтересовался, как я устроился на новом месте. Я ответил, что хорошо, конечно, все отлично. На следующем уроке у меня было «окно», поэтому, съев две булочки и убрав еду в маленький холодильник в учительской, я уселся за свой

стол и принялся составлять план на следующие дни. За нами, учителями-практикантами, была закреплена методист, она приходила в школу раз в неделю обсуждать с нами сложности и проблемы преподавания. Кроме того, на следующей неделе нам предстояли курсы в Финнснесе вместе с другими практикантами из этого региона. Здесь таких было немало: местные, отработав практику, редко возвращались в родные края. Это, разумеется, создавало ощутимую проблему, и, чтобы заманить их обратно, чего только не делалось. Там, где теперь жил отец, действовали существенные налоговые льготы, и это стало одной из причин, по которой они с Унни переехали на север. Оба работали в гимназии, точнее, сейчас работал один папа – Унни ждала ребенка. В последний раз, когда я видел их, – в Сёрланне, в их недавно купленном доме, которому предстояло дожидаться, когда они оттрубят свой срок на севере и вернутся, – живот у нее уже был заметный.

Тогда мне и пришла в голову идея отправиться сюда. Мы сидели на веранде – папа без футболки, коричневый, как орех, с бутылкой пива в одной руке и сигаретой в другой, и я с болтающейся в ухе серьгой в виде креста и темных очках, когда папа спросил, чем я собираюсь заниматься осенью. Смотрел он при этом куда угодно, но не на меня, а голос у него звучал устало и равнодушно, от пива, которое он успел выпить с того момента, как я пришел, язык у него слегка заплетался, поэтому отвечал я тоже с безразличием, хотя в сердце и кольнуло, – я лишь пожал плечами и сказал,

что, по крайней мере, учиться точно не стану и в армию не пойду. Найду где-нибудь работу, – так я сказал. В больнице какой-нибудь.

Отец выпрямился и затушил окурок в большой стоящей между нами пепельнице. В воздухе висела цветочная пыльца, повсюду жужжали осы и шмели. Как насчет поработать учителем, спросил он и тяжело откинулся на спинку стула. Наверное, с прошлого раза, когда мы с ним виделись, он прибавил килограммов двадцать. В Северной Норвегии, сказал он, тебя с руками оторвут, ага. Если гимназию окончил – считай, они тебя уже на работу приняли. Может, и так, ответил я, подумаю. Да, подумай, сказал он, пива если захочешь, – знаешь, где ящик стоит. Отчего бы и нет, и я прошел в гостиную, темную, как яма, после уличного солнца, а оттуда – на кухню, где сидела Унни и читала газету. Она улыбнулась мне. На ней были шорты цвета хаки и просторная серая майка. Я возьму еще пива, сказал я. Бери, ответила она, сейчас каникулы. Ага, сказал я, а открывашка тут есть? Да, на столе лежит, сказала она, ты есть хочешь? Не особо. Уж очень жарко. Но ты же у нас на ночь останешься, поинтересовалась она. Да, подтвердил я. Тогда попозже поешь, сказала она. Я запрокинул голову и сделал большой глоток пива. Надо бы в саду поработать, продолжала она, но уж больно жарко. Ага, согласился я. И живот, сказала она, мешает. Ага, сказал я, само собой. Не хочешь на озеро пойти искупаться? Там, похоже, сегодня полно народа. Я покачал

головой. Она улыбнулась, я тоже улыбнулся и пошел обратно к отцу. А, взял все-таки, сказал он. Да, — я опять уселся напротив. В прежние времена он бы пошел копаться в саду. А если не пошел бы, то следил за происходящим вокруг и все подмечал, будь то хоть остановившаяся неподалеку машина, водитель которой опустил стекло и выглянул наружу. Но все это осталось в прошлом. В его взгляде сквозило равнодушие, безразличие. Впрочем, не только: когда я посмотрел на него и наши взгляды встретились, то понял, что папа по-прежнему рядом и та жесткость и холодность, рядом с которой я рос и которой по-прежнему боялся, никуда не делась.

Он наклонился вперед и, поставив пустую бутылку на пол, взял еще одну и поддел крышку висевшей на связке ключей открывашкой. Отец всегда приносил себе по три-четыре бутылки разом, чтобы, как он говорил, не мотаться то и дело на кухню. Он поднес бутылку к губам и сделал несколько глотков. Ну да... — проговорил он, — хорошо сейчас, солнечно. Да, согласился я. По крайней мере, я загорел, добавил он. Да, согласился я, я тоже. О, слушай, он с шумом выдохнул, мы же солярий купили. Наверху стоит. Когда на улице все время темно, очень спасает. Да, ответил я, я его видел — там, наверху. Да, точно, он снова отхлебнул пива, поставил пустую бутылку рядом с предыдущей, свернул самокрутку, закурил и открыл еще одну бутылку. Ты во сколько ужинать собираешься? Мне все равно, ответил я, решайте сами. Да, в такую жару и есть не хочется, — он взял со сто-

ла несколько газетных листов. Я положил руку на перила и посмотрел вниз. Лужайка перед верандой была выжженной, не зеленой, а желто-коричневой. На серой дороге не было ни души. Неподалеку виднелась пыльная, усыпанная гравием площадка, за ней – несколько деревьев, а дальше снова стены и крыши домов. Знакомых у них тут не было, ни по соседству, ни в городке. Высоко в голубом небе показался маленький винтовой самолетик. В гостиной слышались тяжелые шаги Унни. Опять на шоссе Е-18 лобовое столкновение, сказал папа, легковушка с фурой столкнулись. Да? – откликнулся я. Почти любая авария – это скрытое самоубийство, сказал он, они просто въезжают в фуру или в скалу. И никто не знает, нарочно они это или нет. А так им и не стыдно получается. Думаешь? – спросил я. Разумеется, ответил он, и эффективно. Слегка руль выкрутил – и через пару секунды ты мертвец, – он показал мне газету, – шансов выжить не особо много, а? На снимке был изображен смятый в лепешку автомобиль. Это точно, – я встал, спустился по лестнице и прошел в туалет, где уселся на унитаз. Я слегка перебрал. Снова встав, я умылся холодной водой. Спустил воду – на всякий случай, вдруг кто-то прислушивался. Когда я вернулся на веранду, отец уже отложил газету в сторону и теперь сидел, положив локоть на перила, и я подумал, что он так же водит летом машину – опускает стекло и кладет на него локоть. Сколько же ему лет, подумал я и попробовал подсчитать. В мае будет сорок три. Я вспомнил его дни

рождения – как мы всегда дарили ему один и тот же зеленый лосьон после бритья «Меннен» и я вечно ломал голову, что папа с ним будет делать, у него же борода. Я улыбнулся. Папа поднялся и, покачнувшись, на миг замер, чтобы не потерять равновесие. А потом обычным своим широким шагом двинулся в гостиную, подпернув шорты сзади.

После той нашей встречи мне все сильнее хотелось поехать учительствовать в Северную Норвегию. У этой затеи одни сплошные преимущества. 1) Я поселюсь очень, очень далеко от всех знакомых и буду полностью свободен. 2) У меня будет приличная работа и собственные деньги. 3) Я смогу писать.

И вот я здесь, подумал я и снова посмотрел на страницу лежащей передо мной книги. В конце маленького, ведущего в учительскую коридора, где располагались оба наши туалета, показалась Туриль. Она улыбнулась, но ничего не сказала, а лишь наклонилась и достала со своей полки папку.

– Здорово быть учителем! – сказал я.

– Ты погоди пока... – она коротко улыбнулась и опять скрылась за дверью.

За окном по двору шел Нильс Эрик со своими учениками. Пять лет назад мне было столько же лет, сколько им сейчас. А через пять лет мне будет столько же, сколько ему.

О, тогда я заживу. Я поселюсь где-нибудь в большом городе, буду писать, пить и жить. И девушка у меня будет красивая, стройная и гибкая, с темными глазами и большой гру-

дью.

Я встал и прошел в учительскую, приподнял большой термос и слегка встряхнул его. Термос был пустой, и я налил в кофеварку воды, положил сверху фильтр, отмерил пять ложек и запустил оркестр – булькающий, фыркающий и кашляющий, подмигивающий красным глазом и медленно выплевывающий в прозрачный кувшин черную жидкость.

– Как у тебя, пока все хорошо? – слышалось подозрительно близко.

Я обернулся. За моей спиной стоял Ричард – он пристально вглядывался в меня и широко улыбался. Как это он, интересно, научился бесшумно ходить по школе?

– Да, можно сказать и так, – я кивнул, – тут интересно.

– Это верно, – согласился он, – учитель – профессия отличная и непростая. К тому же ответственная, это важно.

Зачем он это сказал? Ему что, показалось, будто именно это мне сейчас и надо услышать? И если так, то почему? Я выгляжу безответственным?

– Угу, – ответил я, – у меня отец учитель. Тоже на севере, но еще дальше.

– Вон оно как! – удивился Ричард, – он что, сам с севера?

– Не-а. Ради налогового вычета поехал.

Ричард рассмеялся.

– Кофе будешь? – предложил я, – скоро сварится.

– Ты давай налей-ка в термос, а я попозже выпью.

И он исчез – так же бесшумно, как появился. Даже не

знаю, что мне меньше понравилось – «налей-ка» или «ты давай». И то, и другое звучало чересчур покровительственно. Если мне всего восемнадцать, это же не значит, что ему со мной позволено обращаться как со школьником? Я такой же сотрудник, как и он.

Вскоре урок закончился, прозвенел звонок, и в учительской, один за другим, перекидываясь короткими фразами, стали появляться учителя. Я поставил термос на стол и с чашкой в руках встал возле окна. Ученики уже бегали по двору. Я попытался сопоставить их лица с именами, но вспомнил лишь Кая Руала, мальчика из седьмого класса, возможно, потому, что проникся к нему симпатией, потому, что меня зацепило упрямство в его глазах, которое временами сменялось интересом и даже воодушевлением. И, разумеется, я узнал Лив, красотку-девятиклассницу. В бежевом анорাকে, синих джинсах и серых стоптанных кроссовках, она стояла возле стены, сунув руки в задние карманы, жевала жвачку и поправляла растрепавшиеся от ветра волосы. И Стиан – он тоже стоял там – руки в карманах, ноги расставлены – и болтал со своим долговязым приятелем.

Я отвернулся от окна. Нильс Эрик улыбнулся мне.

– Ты где живешь? – спросил он.

– Вон там, внизу, – ответил я, – в квартире на цокольном этаже.

– Подо мной, – подсказала Туриль.

– А тебя куда поселили? – спросил я.

– Сверхху. Тоже в цокольную квартиру.

– Ага, подо мной! – сказал Стуре.

– Вот, значит, как оно тут все, – пошутил я. – У кого высшее образование есть, тем и квартира достается, и вид из окна, и все, что пожелаешь. А для начинающих и подвал сойдет?

– Ага, ты это сразу себе уясни, – кивнул Стуре, – все привилегии надо заслужить. Я три года в пединституте оттрубил. Хотя что-то мне за это должно перепасть. – Он рассмеялся.

– Нам теперь, может, еще и сумки за вами носить? – спросил я.

– Нет, это дело чересчур ответственное. Но предполагается, что утром по субботам вы будете делать у нас дома уборку, – он подмигнул.

– Я слышал, на выходных в Хеллевике будет праздник, – сказал я. – Кто-нибудь из вас на него поедет?

– А я смотрю, ты быстро освоился, – заметил Нильс Эрик.

– Это тебе кто сказал? – спросила Хеге.

– Да просто слышал от кого-то, – уклончиво ответил я, – и теперь не знаю – идти или нет. Одному идти как-то глупо.

– Тут такого не бывает, чтоб на праздник в одиночку идти, – сказал Стуре. – Это Северная Норвегия.

– А ты пойдешь? – спросил я.

Стуре покачал головой.

– Надо семьей заниматься, – сказал он, – но могу тебе пару советов дать. Если захочешь.

Он засмеялся.

– Я думаю туда съездить, – сказала Яне.

– И я, – подхватила Вибекке.

– А ты что скажешь? – я посмотрел на Нильса Эрика.

Тот пожал плечами:

– Может, и съезжу. Это в пятницу или в субботу?

– По-моему, в пятницу, – сказал я.

– Вообще идея неплохая, – проговорил он.

Зазвенел звонок на урок.

– Ладно, давай потом еще обсудим. – Он встал.

– Давай. – Я поставил чашку возле раковины, взял со своего стола учебники и бросился в бой – вошел в класс, сел за стол и стал ждать учеников.

Вернувшись после уроков в квартиру, я обнаружил на крыльце коробки. Вещи приехали – все, что у меня имелось, и было их не сказать чтоб много: коробка с пластинками, еще одна – с убогим проигрывателем, потом коробка с кухонной утварью и последняя, со всякой мелочью, которую я прихватил в своей старой комнате, и парой маминых книжек. Однако же, когда я занес коробки в гостиную, чувство было такое, будто мне преподнесли щедрый подарок. Я подключил проигрыватель, поставил у стены пластинки, просмотрел их, выбрал «*My Life*» из альбома Брайана Ино и Дэвида Бирна, одну из моих любимых песен, а когда гостиную заполнила музыка, я принялся распаковывать остальные вещи.

Все, что я забрал из дома, когда мы переехали, – кастрюли, тарелки, чашки и стаканы – было рядом со мной еще с тех самых пор, когда мы жили в Тюбаккене. Коричневые тарелки, зеленые стаканы, большая кастрюля с одной ручкой, почти черная снизу и слегка – по бокам. Фотография Джона Леннона, которую я прикрепил над пишущей машинкой, висела у меня в комнате все то время, пока я учился в гимназии. Здоровенный постер футбольного клуба «Ливерпуль» сезона 79/80, теперь нашедший пристанище на стене над диваном, появился у меня в одиннадцатилетнем возрасте. Наверное, это был их лучший состав. Тогда в нем играли Кенни Далглиш, Рэй Клеменс, Алан Хансен, Эмлин Хьюз, Грэм Сунесс, Джон Тошак. Из постера с Полом Маккартни я уже вырос, поэтому его я свернул и сунул на шкаф в спальне. Закончив, я снова просмотрел пластинки, представляя на моем месте кого-нибудь другого, кто никогда прежде их не видел, и раздумывая, что незнакомец подумал бы о моей коллекции или, точнее, о том, кому эта коллекция принадлежит, то есть обо мне. Пластинок у меня было больше ста пятидесяти, большинство появились у меня в последние два года, когда я писал в местной газете рецензии на альбомы и почти все деньги спускал на пластинки, нередко покупая все альбомы понравившейся группы. Каждая из пластинок таила в себе целый маленький мир. Все выражали определенное отношение, ощущения и настроение. Но ни одна из пластинок не была островом – между ними существовали взаимо-

связи, прораставшие наружу: Брайан Ино, например, начинал в *Roxy Music*, выпускал сольные альбомы, продюсировал *U2*, сотрудничал с Джоном Хасселом, Дэвидом Бирном, Дэвидом Боуи, Робертом Фриппом, а Роберт Фрипп играл вместе с Боуи в *Scary Monsters*, Боуи был продюсером Лу Рида, который пел в *Velvet Underground*, и Игги Попа, начинавшего в *The Stooges*, Дэвид Бирн выступал в *Talking Heads*, а в их лучшем альбоме, *Remain in Light*, играл на гитаре Эдриан Белью, и он же играл в нескольких альбомах Боуи и долгое время был его любимым гитаристом на концертах. Развилки и взаимосвязи существовали не только между альбомами, они вращались в мою жизнь. Музыка была связана почти с каждым моим действием, у меня не имелось ни единой пластинки, не наполненной воспоминаниями. Я ставил их, и по комнате, словно пар от чашки с горячим кофе, ползли воспоминания о событиях последних пяти лет, но принимая форму не мыслей и рассуждений, а настроений, откровений, состояний. Одни общие, другие конкретные. Если воспоминания – поклажа на прицепе моей жизни, то музыка – веревки, связывающие эту поклажу и не дающие ей развалиться.

Но не это в музыке главное. Самое важное – то, какая она. Когда я, например, слушал *Remain in Light*, а начиная с восьмого класса, я слушал этот альбом постоянно и он мне не надоедал, то когда приходил черед «*The Great Curve*», третьей композиции с ее потрясающим накатывающим и в то же время многослойным аккомпанементом, полным энер-

гии, с духовыми и хором, то оставаться неподвижным было невозможно, просто невозможно, она поджигала мое тело, и я, самый неуклюжий в мире восемнадцатилетний парень, вдруг, сидя за столом, начинал раскачиваться, словно змея, то вперед, но назад, и меня тянуло сделать погромче, я врубал музыку на полную громкость и, вскочив на ноги, принимался танцевать, если, конечно, был один. А потом, ближе к финалу, словно бомбардировщик над маленькой танцующей деревенькой, вступала всепобеждающая гитара Эдриана Белью, и – да, господи, я танцевал, захлебываясь от радости и желая лишь, чтобы это продолжалось подольше, чтобы гитарное соло не умолкало, самолет не приземлялся, солнце никогда не садилось, жизнь не заканчивалась.

Или «*Heaven Up Here*» группы *Echo and the Bunnymen*, прямой противоположности *Talking Heads* – тут соль не в ритмах и драйве, а в звучании и настроении, в том великом стечении, порождаемом ими, во всей той тоске, и красоте, и мрачности, которая то накатывает, то отступает в их музыке, нет, которая *и есть* музыка. И хотя о вокалисте мне известно немало, хотя я прочел тонны интервью с ним, как и со всеми остальными музыкантами, чьи пластинки у меня есть, музыка стряхивала с себя все эти знания, не желала хранить их, потому что в музыке нет смысла, нет значения, нет личности, а есть лишь голоса, и каждый – со своими отчетливыми особенностями, как будто каждая эта особенность в своем чистейшем виде, без тела, без личности, да, как бы образует

личность без лица; и на каждой пластинке было бесчисленное множество таких отпечатков из другого мира, который открывается, когда ставишь пластинку на проигрыватель. Я так и не уразумел, что меня наполняет, когда меня наполняет музыка, знал только, что мне всегда этого хотелось.

К тому же музыка, безусловно, меняла меня, с ее помощью я делался видимым, тем, кто вызывает восхищение, конечно не равное тому, которое вызывают создатели музыки, однако среди тех, кто ее слушает, я был в первых рядах. Здесь, на севере, этого, наверное, никто не заметит, как не замечали в Кристиансанне, но и здесь существовали ценители подобного, это я точно знал. И я непременно окажусь среди них.

Я какое-то время перебирал пластинки и расставлял их так, чтобы усилить впечатление, которое производил каждый из альбомов, и, возможно, позволить тому, кто станет их рассматривать, выстроить новые, неожиданные взаимосвязи. Потом я пошел в магазин – купил пива и замороженную пасту карбонара. Еще я взял кочан капусты, несколько яблок, несколько слив и гроздь винограда, которые на следующий день собирался использовать в качестве наглядного пособия на уроке природоведения с третьим и четвертым классами: знакомясь накануне с их учебным планом, я решил, что надо бы продемонстрировать им космос.

Вернувшись домой, я сунул пасту в микроволновку, а по-

том съел прямо из контейнера, запивая пивом и читая «Даг-бладет». Сытый и довольный, я ушел в спальню и прилег на часок отдохнуть. Сознание еще долго подсовывало мне лица школьников и учителей и школьную обстановку, но затем все исчезло. К действительности меня спустя полтора часа вернул звонок в дверь. Чего ждать, я не знал, звонить мог кто угодно, поэтому к двери я направился в какой-то сонной тревоге. За дверью стояли три девочки из моего класса. Смело улыбнувшись, одна из них, Андреа, поинтересовалась, можно ли им войти. Другая, Вивиан, хихикнула и покраснела, а третья, Ливе, требовательно смотрела на меня из-за больших очков с толстыми стеклами.

– Разумеется! – сказал я, – проходите!

Как и другие гости, войдя в гостиную, они огляделись. Все три жались друг к дружке, подталкивали друг друга локтями, хихикали и краснели.

– Да вы садитесь! – я кивнул на диван.

Они послушно уселись.

– Ну, рассказывайте, – сказал я, – что вас ко мне привело?

– Мы хотели посмотреть, как вы живете. Нам просто скучно было, – призналась Андреа.

Значит, она у них главная? В школе мне так не показалось.

– Здесь заняться нечем, – добавила Вивиан.

– Ага, вообще, – подтвердила Ливе.

– Да, это никуда не годится, – согласился я, – но и тут у меня не особо весело.

– Да, настоящая дыра, – сказала Андреа.

– Ты про мою квартиру? – спросил я.

Она залилась краской.

– Да нет, вот вы глупый. Про деревню! – воскликнула она.

– Я как девятый класс окончу, прямо в следующую секунду свалю, – сказала Вивиан.

– И я тоже, – подхватила Ливе.

– Вечно ты за мной повторяешь, – сказала Вивиан.

– Ну да. И что? – удивилась Ливе.

– «Ну да. И что?» – передразнила Вивиан, да так точно, что даже дважды изобразила, как Лив дергает носом под дужкой очков.

– Оооо! – сердито протянула Ливе.

– Ты же тут не монополист на отъезд из деревни в шестнадцать лет, – я посмотрел на Вивиан, та улыбнулась и ответила взгляд.

– Вы так странно говорите, Карл Уве, – сказала Андреа. – Что такое монополист?

Звук собственного имени застал меня врасплох, и я, смотревший в этот момент на Андреа, покраснел и опустил глаза.

– Тот, кто владеет чем-то в одиночку, – ответил я и снова взглянул на нее.

– Ах, ну дааааа, – протянула она так, будто готова была умереть от скуки.

Ее подружки засмеялись. Я улыбнулся.

– Я вижу, вы еще много чего не знаете, – пошутил я. –

Повезло вам, что я сюда приехал.

– Это не про меня, – сказала Андреа, – все, что мне надо, я знаю.

– Только машину не водишь, – осадила ее Вивиан.

– Да я умею водить, – возразила Андреа.

– Ага, только тебе все равно нельзя. Я в этом смысле.

Они умолкли. Я смотрел на них с улыбкой и, видимо, с долей превосходства, потому что Андреа прищурилась и проговорила:

– Нам, между прочим, тринадцать лет. Мы не малышня какая-нибудь, вы не думайте.

Я рассмеялся.

– А с чего мне так думать? Вы в седьмой класс ходите, я в курсе. Я даже помню, как оно.

– В смысле?

– Когда ты становишься старшеклассником. Сегодня же у вас первый день в старшей школе.

– Это мы заметили, ага, – кивнула Вивиан. – Сегодня было еще скучнее, чем в шестом.

Воздух прорезало дребезжанье дверного звонка. Девочки переглянулись. Я встал и пошел открывать.

Это пришел Нильс Эрик.

– Привет, – сказал он, – пригласишь старого коллегу на чашку кофе?

– А пива не хочешь?

Он поднял брови в напускном недоумении, а может, недо-

верии.

– Нет, спасибо. Мне потом за руль садиться, лучше перебдеть.

– Давай, заходи, – пригласил его я.

Он остановился посреди гостиной, и девочки уставились на него.

– Значит, вот вы где по вечерам сидите, – сказал он.

– А к тебе они еще не заходили? – спросил я.

Он покачал головой.

– Но сегодня после обеда четвероклашки забегали. Я как раз рыбные котлеты жарил.

– Нам просто скучно, – пожаловалась Ливе.

Две других сердито посмотрели на нее. А потом встали.

– Ну ладно, – сказала Андреа, – пошли дальше.

– Счастливо! – сказал я. – Заходите как-нибудь!

– Ха! – фыркнула Вивиян из коридора, перед тем как хлопнуть дверь.

Нильс Эрик улыбнулся. В окно мы увидели, как девочки быстро шагают вниз, к магазину.

– Бедные дети, – сказал я, – у них из развлечений – только к учителям в гости ходить.

– Может, ты их интересуешь, – предположил Нильс Эрик.

– А ты, хочешь сказать, нет? – спросил я.

– Хм, я... – он с шумом выдохнул. – Слушай, хочешь, поехали со мной?

– А куда?

Он пожал плечами:

– Может, на ту сторону фьорда? Или в Хеллевику?

– В Хеллевику я бы съездил, – ответил я, – а ту сторону и отсюда видно.

Нильс Эрик оказался походником – по его собственным словам, он попросился сюда на работу, потому что его манила природа. Он привез палатку и спальный мешок и собирался каждые выходные выбираться в поход. Может, и я к нему присоединюсь?

– Хотя нет, не каждые выходные, – он с улыбкой взглянул на меня, когда мы ползли в его желтой машине по берегу фьорда.

– Это не совсем мое, – сказал я, – так что я, наверное, воздержусь.

Он кивнул.

– Я так и подумал, – сказал он, – но что привело сюда тебя, горожанина в костюме и галстук?

– Я буду писать, – сказал я.

– Писать? – переспросил он. – И что же ты собрался писать? Бланки заполнять? Заявления? Напоминания? Письма? Лимерики для «Девяти часов»¹⁷? Отзывы читателей?

– Я над сборником рассказов работаю, – сказал я.

– Рассказов! – удивился он. – Это же Формула-1 для ли-

¹⁷ «Девять часов» (*Nitimen*) – норвежская развлекательная радиопередача, выходящая с 1965 года.

тератора!

– Это так называется? – спросил я.

– Нет, – он засмеялся. – Вообще-то нет. По-моему, так называют стихи. Это кто-то из Спонтанных поэтов¹⁸ так сказал.

Я этого не знал, но промолчал.

– Но тогда почему б тебе не сходить со мной в поход? Хотя бы пару раз, на выходных. Тут потрясающий заповедник недалеко – до него всего-то час ехать.

– Вряд ли. Если я хочу, чтоб что-нибудь получилось, надо работать.

– Но природа! Чудесное Божье творенье! Все эти цвета! И растения! Об этом и напишешь!

Я разразился издевательским смехом.

– Я не верю в природу, – сказал я, – это клише.

– О чем же ты тогда пишешь?

Я пожал плечами:

– Я только начал недавно. Но если хочешь, могу дать почитать.

– Давай!

– Завтра принесу.

В деревню мы вернулись около восьми вечера. Светло было как днем. Небо над морем казалось таким огромным, что я его несколько минут разглядывал, перед тем как войти в дом. Оно было пустым, глазу не за что зацепиться, и тем не менее я подумал, что оно мягкое и доброе и желает живу-

¹⁸ Литературное движение, основанное в 1983 году Торвальдом Стееном.

щим под ним людям добра. Может, это оттого, что горы выглядели такими жесткими и беспощадными?

Я перекусил, закурил и, налив чаю, засел проверять задания.

Меня звать Вивиан, и мне тринадцать лет. Я живу в деревне, которая называется Хофьорд. Мне тут нравится. У меня есть сестра, которую зовут Лив. Папа у нас рыбак, а мама хозяйничает по дому. Мою лучшую подружку звать Андреа. Мы все делаем вместе. В школе скушно. Иногда мы работаем в рыбоприемнике. Там мы вырезаем у трески языки. Я накоплю денег и куплю магнитофон.

Так значит, Лив и Вивиан сестры!

Это почему-то меня обрадовало. И еще меня трогала ее беспомощность. Или, возможно, это была искренность?

Исправлять я не стал, чтобы не разочаровывать ее, и вместо этого написал красной ручкой коротенький комментарий внизу:

Замечательно, Вивиан! На будущее помни, что глаголы заканчиваются на «тся»», а не на «тца»»

Я взялся за следующую тетрадку.

Меня зовут Андреа. Мне тринадцать лет, и я живу на острове в северной норвегии. У меня есть брат, которому десять лет, и сестра, которой пять лет. Папа выходит ловить рыбу, а мама сидит дома с Камиллой. Я люблю слушать музыку и смотреть кино.

Мой любимый фильм – «Чемпион». Еще я гуляю по деревне с подружками – Вивиан, Хильдегунн и Ливе. Тут скучновато, но когда мы станем старше и будем ходить на вечеринки, сделается веселей!

Прежде мне Андреа и Вивиан казались одинаковыми, как близняшки, и те два раза, что я их видел, я с трудом отличал девочек друг от друга, но из их ответов я понял, что они довольно разные. Или, возможно, это впечатление сложилось у меня оттого, что одна из них написала более искренне, чем другая?

Я написал комментарий в тетради Андреа, прочел еще три сочинения, представлявшие собой нечто среднее между первым и вторым, откомментировал их, убрал тетради в сумку и, поставив «*My Bag*» Ллойда Коула, уставился в окно. От музыки волосы у меня под мышками зашевелились, а тело пришло в движение – сперва я лишь взмахивал рукой или притопывал, но потом выключил свет, чтобы меня не было видно с улицы, и пустился танцевать, закрыв глаза и громко подпевая от радости.

В ту ночь я кончил во сне. Меня окатило волной наслаждения и понесло к пробуждению, туда, куда мне ни за что на свете не хотелось и куда меня так и не донесло, потому что не успел я вернуться к осознанию и сообразить, кто я такой и отчего мне так сладостно, как снова погрузился в тяжелую темноту, где и пребывал, пока не прозвонил будильник и я не открыл глаза и не увидел, что комната залита светом, а

мои трусы – спермой.

Сперва мне стало стыдно. Бог его знает, что мне там при-
снилось. Потом, когда я вспомнил, где я и чем тут занима-
юсь, ощущение тяжести в животе вернулось. Я встал и на-
правился в ванную, говоря себе, что бояться нечего, класс у
меня маленький, ученики еще дети, однако легче не стано-
вилось, чувство было такое, будто мне выходить на сцену, а
все реплики я забыл. Я попытался вернуть то удивительное
настроение, в котором пребывал накануне вечером, прове-
ря тетради и с наслаждением примеряя на себя роль учите-
ля, представляя себе их всех, придумывая, как им помочь,
но все это испарилось, и теперь я, мокрый, стоял посреди
ванной, перед запотевшим зеркалом, потому что никакой я
не учитель и даже не взрослый, а лишь смешной подросток,
который ни в чем не разбирается.

– Сука! – завопил я. Протерев полотенцем зеркало, я
вгляделся в собственное отражение, пока зеркало спустя
несколько секунд опять не запотело.

Выглядел я просто охрененно.

Перед отъездом сюда я остриг длинные волосы, оставив
везде сантиметра по три с филировкой на висках и затылке.
В левом ухе болталась сережка с крестом.

Я улыбнулся.

Зубы были белые и ровные. В глазах появился блеск, на
который было приятно посмотреть, чем я и занимался, пока
до меня не дошла невероятная пошлость ситуации – надо же,

я улыбаюсь и подмигиваю собственному изображению, и в животе у меня снова потяжелело.

Ну что за херня.

Я надел футболку с принтом «*Dream of the Blue Turtles*», черные джинсы, белые носки без пятки и ненадолго завис перед зеркалом, выбирая между тонкой курткой защитного цвета и синей джинсовой, надел первую, примерил берет, но он не подошел, и через две минуты я с непокрытой головой и с набитым тетрадами и всякими школьными принадлежностями белым пакетом с рекламой кофе уже поднимался к школе.

В третьем классе, на всех уроках объединенном с четвертым, было двенадцать человек – пять девочек и семеро мальчиков. Но казалось, что их больше: все ходили туда-сюда, скакали, кричали и никак не желали сесть за парты. Но и когда все наконец расселись, ноги их по-прежнему двигались туда-сюда, руки двигались туда-сюда, а мысли скакали, как взволнованные собаки.

Познакомиться с ними я еще не успел – они лишь слышали обо мне и издалека меня видели, поэтому, когда я появился на их территории, все уставились на меня во все глаза.

Я улыбнулся и положил на стол пакет.

– Что у вас там? – спросил один из них. – Чего у вас в пакете?

Я посмотрел на него. Белая, какая-то щенячья кожа, карие глаза, коротко стриженные волосы.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я.

– Рейдар, – ответил он.

– А меня Карл Уве, – сказал я. – И еще один момент, который вам полезно будет усвоить с самого начала, – прежде чем сказать что-то, поднимайте руку.

Рейдар поднял руку.

Какой сообразительный.

– Да?

– Так чего у вас у тебя в пакете, Карл Уве?

– Это секрет, – сказал я, – узнаете попозже. Сперва давайте знакомиться.

Светловолосый мальчик, сидящий за Рейдаром, малыш с голубыми и, как бывает в этом возрасте, суровыми глазами, поднял руку.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Стиг, – ответил он. – А вы строгий или как?

– Строгий? Нет! – сказал я.

– Мама говорит, ты для учителя слишком молодой! – выпалил он и огляделся.

Все остальные рассмеялись.

– Я все равно старше вас! – парировал я. – Поэтому, думаю, все у нас получится.

– А почему у тебя крест в ухе? – спросил Рейдар. – Ты верующий?

– А как насчет руку поднять?

– Упс. – Он засмеялся и поднял руку.

– Нет, я не верующий, – сказал я, – я атеист.

– А это чего? – не понял Рейдал.

– Рука? Она где?

– Ой!

– Атеист – это человек, который не верит в Бога, – сказал

я. – Ну а сейчас скажите, как вас зовут. Начнем с этого края.

Они один за другим принялись называть имена.

Вибеке

Кеннет

Сюсанне

Стиг

Рейдар

Ловиса

Мелание

Стеве

Эндре

Стейн-Инге

Хелене

Ю

Некоторые запомнились мне сразу, и с тех пор я их уже не забывал – как, например, изящную во всем, от телосложения до одежды, похожую на куклу девочку; круглолицего мальчика; малыша с сердитым лицом; большеголового мальчика с добрыми глазами; шумливого хвастуна; блондинку с тоненькими косичками, кажется обстоятельную и разумную, – но лица остальных словно расплывались, в них не было ни-

чего, что врезалось бы в память.

– Итак, третий и четвертый классы! – проговорил я. – Как называется деревня, в которой вы живете?

– Хофьорд! – подал голос Рейдар.

Я молча смотрел на него. Затем двое-трое подняли руки. Я показал на кукольного вида девочку.

– Да, Ловиса?

– Хофьорд, – сказала она.

– А как называется губерния, где находится Хофьорд?

– Трумс.

– А страна?

Теперь руки тянули все. Я показал на толстяка.

– Норвегия, – сказал он.

– А материк?

– Европа, – ответил он.

– Молодец! – похвалил я, и он улыбнулся.

– А как называется планета? Знает кто-нибудь? Да, Рейдар?

– Земля?

– В каком-то смысле да. Но у нее есть и другое название. Название планеты.

Я повернулся и записал на доске: ХОФЬОРД, ТРУМС, НОРВЕГИЯ, ЕВРОПА, ТЕРРА. И снова обернулся к ним.

– И где же находится Терра?

– Во Вселенной, – ответил Стиан.

– Именно, – я кивнул. – Она находится в Солнечной си-

стеме, в галактике, которая называется... — и я написал на доске: МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ. — Вы о ней слышали?

— Да! — закричали несколько человек.

— Нам эта галактика кажется невероятно большой. Но по сравнению с остальной Вселенной она совсем маленькая.

Я посмотрел на них.

— А как вы думаете, что находится за пределами Вселенной?

Они озадаченно смотрели на меня.

— Никогда не задумывались? Что скажешь, Эндре?

Эндре покачал головой:

— Разве там вообще чего-то есть?

— Этого никто не знает, — сказал я, — но вряд ли там совсем ничего нет? Хотя что-то должно быть?

— А что в учебнике написано? — нашелся Рейдар.

— Ничего, — ответил я, — потому что этого никто не знает.

— Никто?

— Никто.

— Тогда зачем нам это учить? — спросил он.

Я улыбнулся.

— Вам нужно знать, где вы живете. А живете вы во Вселенной. Или, если брать шире, это космос. Это его вы видите поздно ночью, когда смотрите в небо. Хотя нет, вы маленькие и спать ложитесь рано.

— Не-ет, мы не маленькие!

— Ладно, я пошутил, — сказал я. — Но звезды, которые вы

видите, когда небо темное. И луна, и планеты. О них вам предстоит узнать.

Я повернулся и написал на доске: ВСЕЛЕННАЯ.

– Ну хорошо, – продолжал я, – кто-нибудь знает названия планет в нашей Солнечной системе?

– Земля! – не растерялся Рейдар.

Кто-то рассмеялся.

– Еще?

– Плутон!

– Марс!

– Очень хорошо! – похвалил я. Больше никто ничего не вспомнил, и я нарисовал на доске Солнечную систему.

СОЛНЦЕ

МЕРКУРИЙ

ВЕНЕРА

ЗЕМЛЯ

МАРС

ЮПИТЕР

САТУРН

УРАН

НЕПТУН

ПЛУТОН

– Кажется, будто все они находятся рядышком. Но расстояние между планетами огромное, и чтобы добраться, например, до Юпитера, понадобилось бы много-много лет. Я хотел показать вам, насколько велики эти расстояния, поэтому

одевайтесь, прогуляемся с вами до футбольного поля.

– Мы что, на улицу пойдем? Прямо на уроке?

– Да. Одевайтесь – и вперед.

Они повскакивали из-за парт и бросились к крючкам с одеждой, а я с пакетом в руках ждал их возле двери.

Когда мы шли к полю, они жались ко мне, и я чувствовал себя пастухом, таким непохожим на этих маленьких, озорных существ.

– Стоп! – я вытащил из пакета мяч и положил его на землю. – Вот это солнце. Ясно?

Они озадаченно смотрели на меня.

– Пошли дальше!

Еще метров через двадцать я остановился и положил на землю сливу.

– Это Меркурий, планета, расположенная ближе всего к Солнцу. Видите, где сейчас Солнце?

Все посмотрели на мяч, отбрасывающий на гравий коротенькую тень, и закивали.

Потом я разложил на земле два яблока, два апельсина, вилок капусты, кочанчик цветной капусты и, наконец, возле двери в общественный центр, виноградину, представлявшую собой Плутон.

– Теперь понимаете, какое огромное расстояние разделяет планеты? – спросил я. – Солнце отсюда выглядит совсем маленьким, а Меркурий – то есть сливу – вообще не видно. И вот это, – я посмотрел на детей, отрешенно глядев-

ших на футбольное поле, – лишь совсем-совсем крохотная часть Вселенной! Крохотная-прекрохотная! Ну разве не удивительно? Земля, на которой мы живем, расположена в миллионах миль от других планет?

Осмысляя услышанное, некоторые думали с такой силой, что я прямо слышал скрип извилин; другие просто смотрели на деревню или фьорд.

– Ну, давайте назад, – скомандовал я. – Давайте-ка бегом!

В учительской я достал один экземпляр рассказа, скрепил страницы и протянул его Нильсу Эрику – тот сидел на диване и читал местную газету «Трумс Фолкебла».

– Вот рассказ, о котором я говорил, – сказал я.

– О, интересно! – сказал он.

– Ты когда прочитаешь? Сегодня к вечеру?

– А что, прямо горит? – он взглянул на меня и улыбнулся. – Я после обеда хотел в Финнснес съездить. Кстати, поехали со мной?

– Ага, поехали. Это ты хорошо придумал.

– А рассказ твой я к завтрашнему дню прочитаю – и устроим с тобой коллоквиум, ладно?

Коллоквиум – от этого слова пахло университетом, наукой, учебой, девушками и вечеринками.

– Отлично. – И я направился за кофе.

– А зачем ты их на улицу водил? – спросил мне вслед Нильс Эрик.

– Да считай что просто так, – ответил я, – наглядно пока-

зывал Вселенную.

Когда я пришел в класс на следующий урок, три девочки стояли у окна и о чем-то оживленно спорили. Мое присутствие их, похоже, ничуть не смущало.

– Вы почему тут стоите и болтаете? – напустился на них я. – Урок уже начался! Вы кто такие? Вы ученики, ваше дело выполнять правила и слушать учителя!

Они обернулись, но, увидев, что я улыбаюсь, продолжили болтать.

– Эй! – возмутился я. – Живо по местам!

С медлительностью, которую я, вспоминая позже события этого дня, оценил как изысканную, потому что движения их были поразительно продуманными и привычная неуклюжесть вдруг сменилась горделивой женственностью, – они прошли к своим партам.

– Я прочитал то, что вы написали, – я принялся раздавать тетради. – Молодцы. Но пару моментов я хотел бы обсудить сразу, потому что это касается всех.

Они открыли тетради и прочитали мои комментарии.

– А оценок не будет? – спросила Хильдегюнн.

– За такое маленькое задание – нет, – сказал я. – Я попросил вас это написать, чтобы лучше вас узнать.

Андреа и Вивиан сравнили мои комментарии у себя в тетрадях.

– Да вы почти одно и то же написали, – сказала Вивиан. – Что, лень придумывать было?

– Лень? – я улыбнулся. – Зато оценки у вас наверняка будут разные – думаю, тогда и радости у вас поубавится.

Дверь у меня за спиной открылась. Я обернулся. В класс вошел Ричард. Он уселся за парту возле стены и махнул мне рукой, словно разрешая продолжать.

Это еще что такое? Он меня контролировать будет?

– Во-первых, разберемся с диалектом, – сказал я. – На диалекте писать нельзя. Это запрещено. Надо писать «меня зовут», а не «меня звать», «скучно», а не «скушно».

– Но мы же так говорим! – возразила Вивиан, заерзав на стуле и поглядывая на Ричарда, но тот скрестил на груди руки и даже бровью не повел. – Говорим-то мы «меня звать», почему тогда писать надо по-другому?

– И Харрисон в прошлом году говорил, что можно и так писать, – добавила Хильдегюнн.

– Он говорил, главное – не правильно написать, а вообще хоть что-то написать, – подала голос Ливе.

– В прошлом году вы были еще детьми, – ответил я, – а сейчас уже старшеклассники. Существует, что называется, нормативный язык. Норма – единая для всех, кто живет в нашей стране. Говорить можно, как захочешь, но писать – либо на букмоле, либо на нюношке¹⁹. Спорить тут бесполезно. Если не хотите получать тройки с двойками и чтобы в ваших тетрадях были сплошь исправления, то придется подчиниться.

¹⁹ Букмол и нюношк – два государственных литературных языка Норвегии.

– Ох! – Андреа посмотрела на меня, потом на Ричарда. Остальные захихикали.

Я велел им достать учебники, а потом, когда все раскрыли их, попросил Хильдегюнн почитать. Ричард поднялся и, коротко кивнув мне, исчез в коридоре.

На перемене я подошел к его кабинету и постучался. Ричард сидел за столом, и, когда я вошел, поднял на меня взгляд.

– Привет, Карл Уве, – сказал он.

– Привет, – ответил я. – Я просто хотел спросить, зачем ты ко мне на урок приходил.

Он посмотрел на меня – изучающе и вопросительно. Потом улыбнулся и прикусил нижнюю губу, по привычке, которую я уже успел за ним заметить, так что борода у него встопорщилась и придавала ему что-то козлиное.

– Да я хотел посмотреть, как ты на уроке держишься, – проговорил он. – Я иногда буду захаживать. Среди вас много таких, у кого нет образования, и мне важно понимать, как вы справляетесь. Преподавать – это, знаешь ли, дело непростое.

– Когда у меня будут проблемы – я непременно скажу. Обещаю, – сказал я. – Будь уверен.

Он засмеялся.

– Это я знаю. Но речь не о том. Ты давай, иди отдохни чуток! – И он уткнулся в разложенные перед ним бумаги.

Таким образом мне показали, кто тут главный, и на

несколько секунд меня охватило нежелание уступать, однако ничего другого мне не оставалось: сказать мне было нечего, да и в словах его не было ничего особенного, поэтому в конце концов я повернулся и пошел в учительскую.

Заглянув после уроков на почту, я обнаружил в ящике три письма. Одно было от поступившего в Ставангерский университет Бассе, другое – от Ларса, который теперь жил вместе со своей девушкой в Кристиансанне, а третье – от Эйрика. Он начал учиться в Техническом университете в Тронхейме.

Бассе описывал случай, произошедший с ним накануне переезда. Он привел домой девушку – или, скорее, женщину, потому что ей было двадцать пять – и в самый, как он это называл, интересный момент с ней приключилось что-то вроде припадка. Бассе испугался до смерти. Он писал, что у женщины начались судороги, тело ее тряслось и дрожало, он решил, что у нее эпилепсия, вытащил из нее член и вскочил.

«Карл Уве, я со страху чуть не умер! Я не знал, куда бежать – скорую вызвать или как. Вдруг она умрет! Я ведь и правда так подумал. Но потом она открыла глаза, потянула меня к себе и спросила, куда это я собрался. “Еще!” – стояла она. Прикинь? Оказывается, это у нее оргазм был! Вот как оно бывает у зрелых женщин!»

Я шел по дороге, читал его письмо и смеялся, но чувствовал, как меня что-то гложет, потому что сам я никогда ни с кем не спал, секса у меня не было, иными словами, я был

девственником и не только мучился от стыда за то, что два года врал о своих постельных подвигах – причем и Бассе, и другие, похоже, мне верили, – но и изнывал от желания переспать с девушкой, неважно с какой, и испытать ощущения, которые регулярно испытывали Бассе и другие мои приятели. Каждый раз, когда я слушал про их геройства, по телу разливались одновременно апатия и желание, бессилие и сила, потому что чем дольше у меня не получалось ни с кем переспать, тем сильнее я этого боялся. Почти о любой моей проблеме я мог поговорить с кем-нибудь и облегчить душу, но об этой говорить было нельзя, никогда и никому, ни при каких обстоятельствах, и каждый раз, думая об этом – а случалось такое нередко, по несколько раз в час, – я чувствовал, как на меня опускается тяжелая темнота, непроглядная безнадежность, которая порой тотчас же уплывала, как туча мимо солнца, а иногда сковывала меня надолго, но независимо от того, какую форму принимала эта безнадежность, избежать ее я не мог – столько с ней было связано сомнений и мук. Получится ли у меня? Получится ли? Если я, несмотря ни на что, смогу устроить все так, как надо, и окажусь в одной комнате наедине с обнаженной девушкой, получится ли у меня вообще переспать с ней? Буду ли я в состоянии все это проделать?

Таинственность и двойная игра, которую я вел, не облегчали мне задачи.

– Знаешь, что написано на самом конце презерватива? –

спросил, глядя на меня, Трунн. Была весна, перемена, и мы целой компанией стояли перед школой.

Он смотрел на меня.

Интересно, почему? Догадывался, что я вру про девушек, что я вру про секс?

Я покраснел.

Что мне ответить? Сказать «нет» и спалиться? Или сказать «да», чтобы меня вполне резонно спросили «и что же»?

– Нет, что? – спросил я.

– Значит, у тебя такой маленький член? – проговорил он.

Они расхохотались.

Я тоже засмеялся, с невыразимым облегчением.

Вот только Эспен – он, кажется, посмотрел на меня? Вроде как понимающе и оттого отчасти торжествующе?

Спустя два дня он подвозил меня вечером домой – мы с ним засиделись у Гисле.

– А у тебя вообще сколько девушек было, а, Карл Уве? – спросил он, когда мы проезжали по пологому склону возле Крагебуэна, где по обеим сторонам дороги выстроились старые ветхие дома.

– А тебе зачем? – уклончиво спросил я.

– Да просто спросил. – Он глянул на меня и снова посмотрел на дорогу перед нами. И улыбка у него на губах – она была лукавой.

Я нахмурился и изобразил сосредоточенность.

– Хм-м, – протянул я, – шесть. Хотя погоди-ка, нет, пять.

– И кто они?

– У нас тут что, допрос?

– Да не-ет, но ответить-то можно?

– Сесилия, ну помнишь, из Арендала, мы с ней встречались, – начал я.

За окном проплыл старый магазин, где я в свое время потырил немало сладостей. Его давным-давно закрыли. Эспен включил поворотник.

– Та-ак. – сказал он.

– Марианна, – ответил я.

– Ты и Марианну трахнул? – удивился он. – А я и не знал! Чего ж ты не сказал?

Я пожал плечами:

– Личная жизнь-то у меня тоже должна быть.

– Слушай, из всех моих знакомых о тебе я меньше всего знаю! Но это пока только две.

Крупный мужчина с огромным брюхом и вечно разинутым ртом стоял у забора. Он проводил взглядом нашу машину.

– Вот эта семейка – та еще, – сказал я.

– Ты давай не уходи от темы, – не отступал Эспен, – еще трех не хватает. Я потом про своих тоже расскажу, если захочешь.

– Ну ладно. Еще исландка – она прошлым летом работала в киоске с мороженым рядом со мной. Я тогда кассетами торговал в Арендале, и она однажды пригласила меня домой.

– Исландка! – восхитился Эспен. – Звучит прямо чудесно.

– Оно и было чудесно, – подтвердил я. – И еще с двумя просто переспал по разу. Я даже не знаю, как их зовут.

Мы съехали с последней горки. Вдоль реки стеной выстроились деревья. Внизу они расступались, так что видно было маленькое футбольное поле, где три фигурки целились в четвертую, стоявшую в воротах.

– А ты с кем? – спросил я.

– Да сейчас уже некогда рассказывать, – сказал он, – приехали.

– Давай, выкладывай, – потребовал я.

Он засмеялся и остановил машину.

– До завтра! – попрощался я.

– Вот урод! – Я открыл дверцу, вышел и направился к дому.

Прислушиваясь, как постепенно затихает шум двигателя, я думал, что зря так подробно ответил ему. Надо было сказать, что это его не касается. Он бы на моем месте так и ответил.

Почему вообще ему везет, а мне нет?

Для него девушки значили меньше, чем для меня, это да. Не то, чтобы они ему меньше нравились, вовсе нет, но он, наверное, не считал, будто они чем-то лучше его, недостижимые настолько, что с ними нельзя ни говорить, ни делать какие-нибудь обычные дела, он ставил их на один уровень с собой или даже ниже, потому что уверенности в себе ему бы-

ло не занимать. Так что ему было на них плевать, а они, видя это, стремились завоевать его внимание. В моих же глазах они оставались совершенно недоступными, да, кем-то вроде ангелов; я любил в них все, от просвечивающей на запястье вены до мочки уха, и когда видел очертания груди под футболкой или голую ногу под летним платьем, то внутри у меня словно что-то обрывалось, все вокруг кружилось и меня накрывало всепоглощающим желанием, легким, точно свет, а в нем таилась уверенность, будто все возможно, не только здесь – вообще повсюду, и не только сейчас, а и дальше в будущем. И едва меня охватывало это чувство, как откуда-то изнутри пронзало осознание, похожее на водяной смерч, тяжелое и темное, – отчаянье, покорность, бессилие, – и мир для меня замыкался. Оставалась неловкость, молчание, испуганные глаза. Оставались горящие щеки и острая тревога.

Но существовали и другие причины. Нечто, чего я не умел и не понимал. Существовали тайны и мрак, темные поступки и издевательский смех. О да, я догадывался, но ничего об этом не знал. Ничего.

Я сунул письмо Бассе в карман и заспешил наверх, к дому. Нильс Эрик обещал забрать меня через полчаса, а мне надо было еще успеть перекусить.

Спустя пару часов мы уже ехали по главной улице Финнсна. Приехав туда впервые из Осло и Тромсё, я решил, что это маленькая, задрипанная деревня. Сейчас, после всего пяти дней в Хофьорде, Финнсна казался мне почти городом,

большим, бескрайним, полным возможностей.

Нильс Эрик остановил машину на парковке перед большим супермаркетом, и мы пошли искать винный магазин. Я купил для вечеринки одну «Коскенкорву» и четыре бутылки белого вина, а для себя – маленькую бутылку виски. Нильс Эрик взял три бутылки красного, что меня не удивило – он был явно из тех, кто пьет не пиво и не что покрепче, а красное. Когда мы положили бутылки в багажник, я уговорил его сходить со мной в магазин электроники, где продавались и магнитофоны. Мой был совсем плохой, и мечту эту я вынашивал уже давно, а теперь, когда у меня появилась постоянная работа, я решил, что пора действовать.

В магазине были только музыкальные центры, не самые лучшие, но я подумал, что потом я куплю стереосистему поприличнее, и огляделся, высматривая продавца.

Продавец стоял за стойкой, спиной ко мне, и открывал маленьким ножичком картонную коробку. Я подошел ближе.

– Вы мне не поможете? – попросил я.

Он едва повернул голову.

– Погодите минутку, – бросил он.

Я снова подошел к магнитофонам и махнул Нильсу Эрику – тот рылся в ящике с пластинками.

– А ты какой купил бы? – спросил я.

– Никакой, – ответил он. – Музыкальные центры вообще дерьмо.

– Согласен, – кивнул я, – но других тут, похоже, нету. А я

покупаю на то время, что я тут живу.

Он посмотрел на меня.

– У тебя что, деньги лишние? Или вы, Кнаусгоры, – судопромышленники? А я и не знал!

– Можно же в рассрочку взять. Вот, гляди, за три чetyреста девяносто девять. Это в месяц всего несколько сотен получается.

Продавец выпрямился и заозирался. Это был щуплый мужчина с небольшим животом, в очках в железной оправе и с зачесанной набок челкой.

Я показал на «Хитачи».

– Мне вот эту, – сказал я, – его же можно в рассрочку, да?

– Если у тебя работа есть, – ответил он.

– Я в Хофьорде учителем работаю, – сообщил я.

– Тогда ладно, – он кивнул. – Надо только кое-что заполнить, ты подойди к прилавку...

Пока я заполнял бумаги, продавец пошел за музыкальным центром.

– По-твоему, это правильно? – засомневался Нильс Эрик. – В рассрочку ты в итоге в два раза переплатишь. И в месяц получаютcя неслабые деньги. Зарплата у нас не сказать чтоб высокая.

Я взглянул на него.

– Ты мне кто, мама? – огрызнулся я.

– Ладно, твое дело, – он снова отошел к пластинкам.

– Вот именно, – буркнул я.

В этот момент со склада вернулся продавец со здоровенной коробкой в руках. Он протянул мне коробку и, пока я ее держал, проверил документы и заглянул мне в паспорт, а когда он убедился, что все в порядке, я отнес коробку к машине и поставил ее на заднее сиденье.

Следующим и последним пунктом программы был супермаркет. Взяв тележки, мы расхаживали вдоль полок и брали то, чего в деревенском магазине не было. Я первым делом ухватил две пачки сигарет. Отойдя подальше, к прилавку с фруктами, я сунул пачки в карманы, по одной в каждый, и как ни в чем не бывало продолжал складывать в тележку продукты. В больших супермаркетах я всегда воровал сигареты, тут бояться было нечего, меня еще ни разу не поймали. Воровство я считал проявлением свободы, возможностью наплевать на всех и поступать, как хочется, а не как полагается. Это был бунт, акт неповиновения, одновременно приближающий меня к представлению о том, каким я должен быть. Я ворую, я принадлежу к тем, кто ворует.

Это мне всегда сходило с рук, и тем не менее сейчас, подкатывая тележку к маленькому островку, где сидела продавщица, я нервничал. Она смотрела на меня совершенно обычным взглядом, ко мне ниоткуда никто не подкрадывался, поэтому я выложил продукты на ленту, расплатился, сложил все в пакет и быстро, но без излишней торопливости вышел на улицу, где остановился и закурил, а через минуту следом появился и Нильс Эрик с двумя тяжелыми объемистыми па-

кетами.

Несколько километров мы проехали молча. Я по-прежнему злился на него за лекцию в магазине электроники. Меня бесило, когда другие, будь то мать, отец, брат, учитель или лучший друг, лезут в мои дела; меня это категорически не устраивало. Никто не имеет права указывать мне, как поступить. Время от времени Нильс Эрик поглядывал на меня. Пейзаж за окном стал более плоским: низенькие деревья, вереск, мох, ручейки, неглубокие, совершенно черные озера, а вдалеке гряда высоких островерхих гор. В окрестностях Финнснеса мы заехали на заправку, в машине запахло бензином, и от этого меня стало слегка подташнивать.

Нильс Эрик снова посмотрел на меня:

– Не поставишь музыку? Там в бардачке кассеты.

Я открыл бардачок и выложил кассеты себе на колени.

Сэм Кук. Отис Реддинг. Джеймс Браун. Принс. Марвин Гэй. UB40. Смоки Робинсон. Стиви Уандер. Теренс Трент Д'Арби.

– Ты соул любишь? – спросил я.

– Соул и фанк, – ответил он.

Я поставил то единственное, что слышал прежде – «Parade» Принса, и, откинувшись на сиденье, посмотрел на горы, покрытые внизу зеленым махровым ковром из кустарника и низеньких деревьев, а выше – мхом и вереском, тоже зеленым.

– А зачем ты сигареты украл? – спросил Нильс Эрик. – То

есть это не мое дело, ты сам за себя отвечаешь, мне просто любопытно.

– Ты видел? – удивился я.

Он кивнул.

– Ведь деньги-то у тебя есть, – продолжал он, – ты же не из нужды их украл?

– Верно, – сказал я.

– Вдруг тебя поймали бы? Как бы это выглядело? В том смысле, что ты же учитель.

– А меня поймали?

– Нет.

– Нет? Тогда все это чистой воды домыслы, – сказал я.

– Ладно, не будем об этом, – проговорил он.

– Почему же, давай поговорим, – уперся я. – Давай, продолжай.

Он коротко хохотнул.

За этим последовало долгое молчание, которое, однако, не было неловким. Дорога бежала вперед, горы были красивыми, музыка – хорошей, а мнение Нильса Эрика – любителя походов, меня не заботило.

Но потом все изменилось. Я словно чересчур далеко зашел в одном направлении, и пришло время вернуться назад, потому что там меня ждало незавершенное дело. Нильс Эрик не причинил мне зла, никак меня не обидел, просто был излишне любопытным и, возможно, чуть навязчивым, а здесь, где я никого не знаю, это, возможно, не самое страш-

ное.

Я замычал себе под нос «*Sometimes it Snows in April*».

– Ты слышал последний альбом Принса? – спросил я. – «*Lovesexy*»?

Он покачал головой.

– Но если он летом приедет в Норвегию или Швецию, то я схожу. Концерты у него невероятные. Я разговаривал с теми, кто был на его концертах во время турне *Sign o' the Times* – они говорят, ничего прекраснее в жизни не видели.

– Я бы тоже сходил, – сказал я. – Вот этот последний тоже хороший. Может, хуже, чем *Sign o' the Times*, но... Кстати, когда он только вышел, я о нем рецензию писал в «Фэдреланнсвеннен» и чуть не облажался. – Я посмотрел на Нильса Эрика: – В какой-то английской газете я читал, что Принс неграмотный, и сам едва об этом не написал, еще немного – и всю статью на этом построил бы. Вроде как Принс не умеет читать... Но, к счастью, мне это все показалось странным и я об этом умолчал. Позже я сообразил, что, видимо, это у него с нотной грамотностью проблемы. Точно не знаю. И что мерзко – мы столько запоминаем неверной информации, чего-то такого, что вообще от действительности далеко. Неприятно, когда подобное говорят, а тем более когда пишут и печатают в газете.

– Я думал, в этом и смысл газет, – Нильс Эрик улыбнулся, не сводя глаз с дороги.

– Да уж, – согласился я.

Далеко впереди показалась дорога на Хофьорд – узенькая серая линия, ведущая в черную дыру в горе.

– Я во вторник, кстати, письмо от своей девушки получил, – снова заговорил я.

– Вон оно что, – откликнулся он.

– Ага. Хотя девушка – это как посмотреть. Мы летом встречались. Ее Лине звали...

– Звали? Она что, умерла на этой неделе?

– Для меня да. В том-то и суть. Она меня бросила. Написала, что я такой чудесный и прочее и прочее, но что она никогда меня не любила, а так как я переехал сюда, лучше будет со всем покончить.

– Значит, ты свободен, – сказал Нильс Эрик.

– Именно, – я кивнул. – Именно это я и собирался сказать.

Из туннеля выехала машина – черная и маленькая, как жук-навозник, но ехала быстро и стремительно увеличивалась в размерах.

Когда мы поравнялись, водитель помахал нам рукой, Нильс Эрик поприветствовал его в ответ, сбавил скорость и свернул на последний отрезок дороги, ведущей к деревне.

– Странно, да? – спросил я. – Все знают, кто мы такие, а мы никого не знаем.

– Ага, – сказал он, – в жутковатое местечко мы с тобой попали.

Он повернул рычажок и включил дальний свет, а потом поднял вверх еще один и запустил «дворники». По капоту,

любовому стеклу и крыше застучали капли. Гул мотора рикошетил от горных склонов, обволакивая нас, подобно панцирю, который тотчас же отвалился, стоило нам вынырнуть из туннеля к раскинувшемуся перед нами фьорду.

— А у тебя есть девушка? — спросил я.

— Нет, — сказал он, — я свободен — свободнее некуда. Я уже много лет ни с кем не встречаюсь.

Он что, гей?

О нет, только бы не гей!

Вообще-то он странноватый. И эти румяные щеки...

— Тут особого выбора нет, — сказал он, — но зато и конкуренция невысокая. Так что выходит то на то. — И он рассмеялся.

«Конкуренция невысокая». Что бы это значило? Что других геев здесь не особо много?

Внутри у меня все похолодело, и я уставился на синюю гладь моря.

— Туриль ничего так, — добавил он.

Туриль!

Ложная тревога!

Я снова посмотрел на него. Он, не сводя глаз с дороги, боковым зрением наблюдал за мной.

— Но она же старая! — возразил я.

— Да какая же старая? — не согласился он. — Ей навскидку лет двадцать восемь. Ну, может, тридцать. Да, может, и так. Но, во-первых, это не называется старая! Во-вторых, она сек-

суальная. Очень сексуальная.

– А я что-то не заметил, – сказал я.

– Карл Уве, мне-то не восемнадцать. Мне двадцать четыре. И для меня двадцативосьмилетняя – это не старая. Или недоступная, – он усмехнулся. – Другое дело, что для меня она недоступна.

Мы медленно ехали по узенькой, словно придавленной горным склоном дороге. Местные ездили здесь с той же скоростью, что и везде, но Нильс Эрик, насколько я понял, был осторожный и предусмотрительный.

– А ты что скажешь? – спросился он. – Присмотрел кого-нибудь?

Я улыбнулся:

– Когда я сюда ехал, то в автобусе одну видел. Она в Финнснесе в гимназии учится, а живет в Хеллевики.

– Вон оно что!

– Ну, там поглядим. А насчет других даже не знаю.

– Вибекке – девчонка сочная, – сказал он.

– В смысле толстая?

– Нет, в смысле... Она симпатичная. Может, чуть полновата, ну и что с того? И Хеге, она... с ней, я думаю, непросто. Но она привлекательная. Верно же?

– Ты всеядный, что ли? – пошутил я.

– Женщины – это женщины. Такой у меня девиз.

Внизу показалась деревня. Он остановился перед моим домом и занес мне в квартиру пакеты, пока я вытаскивал

здоровенный ящик с музыкальным центром. Потом Нильс Эрик попрощался и поехал дальше, к себе. Я подключил музыкальный центр, поставил *The Associates* – их альбом *Sulk*, совершенно истерический, и развалился на диване. Спустя некоторое время я засел за письма, старался писать коротко, чтобы успеть побольше, потому что сейчас главное было не сами письма, а рассказ, который я вложил в каждый конверт.

На следующий день ко мне на перемене подошел Стуре.

– Можно с тобой поговорить? – Он потер лысину.

– Да, разумеется!

– Хотел тебе просто совет дать, – сказал он, – про третьеклашек и четвероклашек. Я слышал, ты им вчера всю Вселенную показал...

– Ну да...

– Знаешь, они ведь совсем крохи, поэтому, может, лучше будет в следующий раз с простого начать? Нарисовать план школы, например. А потом – деревни. Понимаешь? Начать со знакомого, а потом переключиться на Норвегию, Европу и мир. И уже после рассказать о Вселенной. Если, конечно, ты еще тут будешь! – И он подмигнул мне, чтобы свойскостью сгладить назидательность. Но это был никакой не совет. Это было замечание. Я посмотрел ему в глаза, и меня захлестнул гнев.

– Хорошо, я подумаю. – Я развернулся и двинулся прочь.

Я был в ярости, но в то же время мне сделалось неловко: я понимал, что он прав. Они малыши и, вероятнее всего, ни-

чего не поняли, а то, что в десятилетнем возрасте интересовало меня, вовсе не обязательно будет интересно и им.

В учительской разговаривать я ни с кем не стал. Молча сев за свой стол, я делал вид, будто читаю, пока не прозвенел звонок и я не направился в класс.

Странно, думал я, остановившись перед столом и дожидаясь учеников, странно, что я чувствую себя своим среди учеников в классе, а не среди учителей в учительской.

Вот только куда эти самые ученики подевались?

Я подошел к окну.

Во дворе между двумя зданиями не было ни души. Может, они на футбольной площадке?

Я взглянул на часы. После звонка прошло уже пять минут. Я понял: что-то стряслось, и направился по коридору к выходу. Быстро прошагавший мне навстречу Стуре открыл дверь. Я последовал за ним и увидел, что он уже бежит бегом.

Происходила драка. Двое мальчишек обхватили друг дружку руками, потом один упал на землю, но вскочил. Другие ученики столпились вокруг, молча наблюдая. За их спиной виднелись деревья, а дальше – горы и море.

Теперь и я побежал, скорее для вида – я понимал, что Стуре все уладит, и радовался этому.

Дрались Стиан и Кай Руал. Стиан был сильнее, это он сбил Кая Руала с ног, но Кай Руал не сдавался и снова кидался на обидчика.

Когда Стуре добежал до них, драка прекратилась. Стуре схватил Стиана за шиворот, отодвинул от себя и принялся ему выговаривать. Стиан опустил голову, как побитая собачонка. Со мной он бы повел себя иначе, это уж точно.

Я остановился перед ними.

Кай Руал стоял, уставившись в землю. Брюки у него были заляпаны грязью, а в глазах блестели слезы.

– Ты чего творишь? – напустился я на него. – Зачем ты подрался?

– Ой, да заткнись ты, – пробормотал он.

Я положил руку ему на плечо, но он вывернулся.

– Пошли, – сказал я и посмотрел на остальных. – А вы тут чего делаете?! Вы-то даже не дрались!

Кай Руал быстро взглянул на меня, точно ожидая наказания, но понял, что зря опасался.

– Пошли, – повторил я. – Давай, Кай Руал, зайди в туалет и приведи себя в порядок. Видок у тебя не очень.

Ученики из класса Стуре уже подошли к двери.

– Это кровь? – спросил Кай Руал.

– Нет, – успокоил я его, – это грязь и сопли.

Мы обсудили случившееся. Когда Кай Руал вернулся, я сказал ему, что он может драться сколько влезет, но за пределами школы. На выходных дерись хоть с утра до ночи, и после уроков тоже, сказал я, но не в школе. Выдержишь? Он покачал головой. Это Стиан, урод, начал, оправдывался он. Ясно, сказал я, значит, придешь домой и разберешься с ним.

Но не тут. Если это снова случится, я буду вынужден тебя наказать. Это ты понимаешь? А драка того не стоит. Подожди пару часов – и сможешь поступать, как захочешь. Ну, а сейчас пора урок начинать, вам неплохо и выучить хоть что-то. «Да, особенно вам, – сказал я, – вы вообще ничего не знаете!» Четыре девочки смирili меня самым хмурым своим взглядом.

– Ничего не знаете! – сказал я. – Поэтому вперед, открывайте книжки.

– Ты сам-то чего, до хрена всего знаешь, что ли? – спросила Хильдегюнн.

Вивиан и Андреа расхохотались.

Я выставил указательный палец:

– Не ругаться! Чтоб я этого больше не слышал.

– Да в Северной Норвегии все ругаются, – запротестовала Вивиан.

– С ругательствами то же правило, что и с дракой, – отрезал я. – Дома ругайтесь хоть до посинения. Но не здесь. Я совершенно серьезно. Ну ладно. Продолжаем делать упражнения, которые начали на прошлом уроке. Страница тринадцать и дальше. Если надо будет, я помогу. В начале следующего урока разберем возникшие сложности. Хорошо?

Я подошел к окну и скрестил на груди руки. Откуда-то издалека до меня доносился голос Нильса Эрика – он вел у четвероклашек английский. Я вспомнил Стиана, его наглую улыбку, адресованные ему взгляды одноклассниц. Они вос-

хищаются им, это я понял. Может, они даже мечтают о нем?
Да, наверняка.

От этой мысли меня кольнуло. Он же просто мелкий говнюк.

Я подошел к учительскому столу и посмотрел на Хега: они с классом расположились в небольшом закутке, занятом под библиотеку, ученики расселись вокруг Хега на подушках, а она что-то читала им вслух.

Поймав мой взгляд, она посмотрела на меня и улыбнулась. Я улыбнулся в ответ, сел за стол и заглянул в учебник, раздумывая, чем занять их на следующем уроке.

Когда я поднял голову, то встретился взглядом с Андреа. Кровь прилила у нее к щекам. Я улыбнулся. Она подняла руку и уставилась в столешницу. Я встал и подошел к ней.

– Помочь? – спросил я.

– Вот этот пример, – она ткнула пальцем в тетрадь, – я его неправильно решила?

Я склонился над тетрадью. Андреа сидела неподвижно, наблюдая, как мой палец ползет вниз по странице. Пахло чем-то яблочным. Я решил, что это, наверное, ее шампунь, и почувствовал, как грудь чуть сдавило. Ее дыхание, упавшие на лицо волосы, глаза из-под челки. И все это так близко.

– Да не-ет, – протянул я, – тут, похоже, все верно, да?

– Правда? – она посмотрела на меня, и когда наши взгляды встретились, я выпрямился.

– Да, – сказал я, – давай, работай дальше!

Когда я после урока пришел в учительскую, там никого не было. И лишь усевшись, я заметил на кухне Туриль. Она намазывала бутерброд.

— У тебя «окно» было? — спросил я.

Она кивнула и, откусив бутерброд, выставила указательный палец, пока дожевывала.

— Да, — сказала она, — но я тут не прохлаждалась, а готовилась к следующим урокам.

— Ясненько. — Я взял со стола газету.

Листая газету, я краем глаза наблюдал за Туриль — как та подносит ко рту руку с бутербродом и расхаживает по кухне. Она наклонилась открыть холодильник. Я поднял голову. На Туриль были черные брюки в обтяжку. Я смотрел на обтянутые тканью икры и бедра, широкие, но не слишком, как раз наоборот, очень женственные в своих изгибах и полноте.

Член у меня налился кровью, и я, не сводя глаз с Туриль, закинул ногу на ногу. Как изумительно было бы переспать с ней, трогать ее ноги, ее бедра. О господи. Ох. Касаться ее груди! О, ее гладкая кожа! О, ее бедра, такие гладкие изнутри!

Я сглотнул и посмотрел в потолок. Нет, такого не случится. Даже если бы я, вопреки всему, оказался бы в постели с ней или кем-то вроде нее, у меня ничего не вышло бы. Это я знал. Она достала из холодильника пакет молока и выпрямилась. Открыла молоко и, наливая его в стакан, быстро взгля-

нула на меня, а когда наши взгляды встретились, улыбнулась.

От нее ничто не укрылось.

Я покраснел и улыбнулся в ответ, силясь думать о чем-то таком, что отвлекло бы меня от увиденного и нарисованного воображением.

Туриль запрокинула голову и залпом выпила молоко, а после вытерла тыльной стороной ладони белые молочные «усы» и опять посмотрела на меня.

– Хочешь кофе, Карл Уве? Похоже, кофе тебе сейчас жизненно необходим!

В каком это смысле? У меня что, такой вид, будто мне кофе хочется?

– Нет, спасибо, – отказался я.

Но отказ привлекает лишнее внимание!

– Хотя, пожалуй, спасибо, – поспешно исправился я. – Кофе выпью.

– Молока?

Я покачал головой. Она налила две чашки кофе, подошла к дивану и, передав мне одну чашку, уселась рядом и вздохнула.

– Чего вздыхаешь? – спросил я.

– А я разве вздохнула? – удивилась она. – Да просто поздно уже, а я не выпалась.

Я подул на черную непроницаемую жидкость с маленькими светло-коричневыми пузырьками по краям и немного отхлебнул.

– Я не очень шумлю? – спросил я. – В смысле, музыка не мешает? Или еще что-нибудь?

Она покачала головой.

– Я слышу, что ты дома, – сказала она, – но мне не мешает.

– Точно?

– Ну конечно!

– Потому что, если будет шумно, вы скажите.

– А ты нас слышишь?

– Почти нет. Только шаги.

– Это потому, что Георг сейчас в рейс ушел, – сказала она, – а когда я одна, то меня почти не слышно.

– А его долго не будет?

– Нет, в субботу возвращаются.

Она улыбнулась. Ее губы, думал я, такие мягкие, красные и живые, а за ними зубы, белые и твердые.

– Ясно. – Я повернул голову, потому что дверь с противоположной стороны открылась, и в учительскую вошли Тур Эйнар, а за ним Хеге и Нильс Эрик.

– Стройными рядами, – прокомментировал я.

– Да, мы соблюдаем расписание, – ответил Нильс Эрик, – и знаем, насколько важна каждая минута для будущего наших учеников. Поэтому мы не можем – повторяю, не можем заканчивать уроки за три минуты до звонка. Поступить так означало бы проявить крайнюю безответственность. Да, не преувеличу, если назову такой поступок непростительным.

– Да, непросто вам, учителям-предметникам. Тяжелое

бремя взвалил ты себе на плечи, – не растерялся я, – и почему же ты классное руководство не взял, как я? Тогда мог бы сам своим временем распоряжаться.

– Моя цель – стать со временем директором, не получая при этом педагогического образования, – заявил Нильс Эрик. – Это непросто, редко кому удастся, но именно такую цель я себе и наметил. – Он потер руки и соорудил коварную мину: – а сейчас самое время закинуться парой черствых бутербродов с заветренным сыром!

В учительскую вошли Вибекке, Яне и Стуре. Я встал, освобождая место желающим перекусить, взял чашку и подошел к окну.

Небо было серое, но не давило. Возле стены напротив стояли и болтали девочки из моего класса. Ученикам восьмого и девятого разрешалось на перемене оставаться в школе, что они почти всегда и делали, по крайней мере, девочки. Младшеклассники обычно гуляли с другой стороны, возле футбольного поля.

Я пока еще ни разу не дежурил на перемене.

Я обернулся к остальным.

– У кого сегодня дежурство? – спросил я.

– Дай-ка угадаю... У тебя! – привалившись к дверному косяку, Стуре простер вперед руку.

Я подошел к висящему на стене расписанию. Да, дежурство и впрямь оказалось у меня.

– Черт, совершенно из головы вылетело, – пробормотал я.

Выскочив в коридор, я схватил куртку и, на ходу натягивая ее, заспешил к выходу.

Из-под навеса от дождя показалась толстенная приземистая фигурка – это был мальчик по имени Ю. Он устремился ко мне, но я притворился, будто не замечаю его, и перешел на противоположную сторону, где перед единственными воротами гоняла серый тяжелый мячик ватага малолеток.

Они заметили меня и прервались.

– Хотите с нами? – спросили они.

– Запросто, – согласился я, – чуток поиграю.

– Тогда вы против остальных!

– Ладно, – согласился я.

Они кинули мяч вратарю, а тот отправил его сбившейся в стайку малышне. Их было много, но ноги у всех были коротенькие, поэтому мне не составило особого труда завладеть мячом и удерживать его. Несколько раз я случайно сбил кого-то с ног, они орал, что у меня штрафной, я орал, что они маленькие трусишки, и они снова принимались гоняться за мной. Я даже на время отдал им мяч, просто чтобы не расхолаживать их, но в конце концов подбежал к воротам, забил мяч прямо под носом у вратаря и закричал, что я выиграл и игра закончена. Нет, не уходите! – кричали они, мы вас сейчас обыграем всухую! Кое-кто из самых маленьких вцепился мне в брюки, но я высвободился и отбежал в сторону. Убедившись, что они снова увлеклись игрой, я пошел проводить учеников с другой стороны.

Возле стены, скорбно натянув на лоб шапку, в одиночестве стоял Ю.

– Ты не хочешь с остальными в футбол сыграть? – мимоходом бросил я.

Он сделал несколько шагов ко мне, и я остановился.

– Я не люблю футбол, – прохныкал он.

– Но ты хоть попробуй! – предложил я.

– Нет, – сказал он, – можно я лучше с вами побуду?

– Со мной? – удивился я. – Но я же просто тут хожу?

Он взял меня за руку и, глядя на меня снизу вверх, улыбнулся.

– Ладно, – смягчился я, – если хочешь, пошли со мной.

Ведь его одноклассники увидят, как он ходит за руку с учителем – неужто он сам этого не понимает?

Видимо, нет.

Вместе с этим маленьким пухлым мальчиком мы перешли на противоположную сторону школьного двора, где к ученикам из моего класса присоединились восьми- и девятиклассники.

– А я вчера на уроке прочитал больше, чем надо было, – сказал Ю и опять посмотрел на меня.

– Вот как? Молодец. И как, понял что-нибудь?

– Кажется, да, – он кивнул, – по крайней мере, чуть-чуть.

– Футбол тебе не нравится – а что же нравится?

– Рисовать, – признался он, – я это очень люблю.

– А на улице играть?

- Немножко люблю на велике кататься. Вместе с Эндре.
- Это твой лучший друг?
- Иногда.

Я посмотрел на него. Лицо у него оставалось равнодушным.

Стало быть, у бедняги нет друзей.

Он посмотрел мне в глаза, и лицо у него расплылось в улыбке. Я положил руку ему на плечо и опустил на корточки.

– А пошли вместе сыграем, а? – предложил я, – будешь со мной в команде.

– Но я же не умею в футбол играть, – заупрямился он.

– Да брось, – отмахнулся я, – умеешь, еще как. Там только и нужно, что бегать по полю и мячик пинать! Я тебе помогу. Пошли, а то не успеем и урок начнется!

– Ну ладно, – согласился он, и мы побежали к воротам.

Я остановился перед воротами и поднял руку.

– Я с вами еще разок сыграю, – объявил я, – а Ю – в моей команде. Так что сейчас мы с Ю против вас. Идет?

– Да он плохо играет! – выкрикнул Рейдар.

– Вы все играете плохо, – отрезал я, – а ну-ка, начали!

Играл он и впрямь плохо. Если я передавал ему мяч, он едва попадал по нему ногой. Зато теперь Ю с счастливой улыбкой бегал по полю, а спустя пару минут, к счастью, прозвенел звонок.

– Ю, возьми мячик и отнеси его в учительскую, ладно?

– Ага! – И он вприпрыжку пронесся по коридору, зажав под мышкой мячик. Я быстро зашагал следом – надеялся увидеть Лив, девушку из девятого, пока у них не начался урок.

И я успел. Когда я нагнал ее, она шла рядом с Камиллой и, сворачивая в коридор, украдкой взглянула на меня. Я посмотрел на ее узкие, безупречные бедра, и внутри у меня словно разверзлась пропасть.

После уроков я сидел в учительской и ждал, пока разойдутся по домам все остальные. Во-первых, мне хотелось одиночества, но не такого, как в квартире, а во-вторых, нужно было позвонить.

В конце концов на парковке возле школы осталась лишь машина Ричарда. Сам Ричард сидел у себя в кабинете, но в любой момент мог заглянуть и сюда, поэтому я листал справочник, дожидаясь, когда Ричард тоже уйдет.

За последние часы тучи потемнели, и, пока я сидел в учительской, в окна стукнули первые капли. Я обернулся и увидел, как они сначала разбивались об асфальт, не оставляя следов, как будто их и не было, но спустя всего несколько секунд окрашивали его в темный цвет. Небесные хляби разверзлись, и на землю выплеснулся дождь. Струя за струей пронзали воздух с такой силой, что капли, достигая земли, отскакивали вверх. Вода заструилась по водосточному желобу вниз и дальше, по земле, вдоль стены противоположного здания. Окна и крыша откликались громким дробным сту-

ком.

– Вот это ливануло! – Ричард в обычной своей зеленой куртке и с ножом на поясе остановился на пороге и улыбнулся мне.

– Да уж, дождь нешуточный, – сказал я.

– Заработался? – Он вошел в учительскую.

– Ну так, – уклончиво ответил я, – кое-что доделать хотел.

– Как первая неделя прошла?

– По-моему, неплохо, – ответил я.

Он кивнул.

– В следующую пятницу поговори с Сигрид. С методистом. Наверное, перед встречей имеет смысл будет записать все вопросы и соображения, чтобы больше проку было.

– Так и сделаю, – пообещал я.

Он прикусил нижнюю губу и снова стал похож на козла.

– Ну ладно, – проговорил он, – хороших тебе выходных!

– И вам, – ответил я.

Через полминуты Ричард показался за окном – держа портфель над головой, он бежал к машине.

Вот он вытащил ключи, открыл дверцу и плюхнулся на сиденье.

Включились фары, и по спине у меня побежали мурашки. Красный свет задних огней отражался от черного асфальта, а два желтых световых пучка от передних фар упирались в стену, которая одновременно рассеивала их и светила сама.

Стук капель, широкие развилки водяных потоков, сбегających по склону, вода, хлещущая из водосточной трубы.

О, это был мир, и я жил в самом его сердце.

Что же мне делать? Хотелось стучать кулаками в окна, бегать по комнате и вопить, во все горло, швыряться столами и стульями, потому что во мне через край били сила и жизнь.

– *IT'S THE END OF THE WORLD AS WE KNOW IT!* – орал я на всю учительскую.

IT'S THE END OF THE WORLD AS WE KNOW IT!

AND I FEEL FINE!

*AND I FEEL FINE!*²⁰

Когда машина Ричарда скрылась за холмом внизу, я прошелся по школе – на тот случай, если кто-то все же тут еще остался. Завхоз, например, – вдруг он где-нибудь здесь что-нибудь чинит? Но в школе было пусто, и, убедившись в этом, я прошел в маленькую комнатку, где стоял телефон, и набрал мамин номер.

Она не отвечала.

Наверное, работала сегодня допоздна, а по пути домой заехала в супермаркет, а может, вообще решила где-нибудь поужинать.

Я позвонил Ингве. Он ответил сразу же.

– Алло? – слышалось в трубке.

– Алло, это Карл Уве, – сказал я.

²⁰ «Это конец того мира, который мы знаем, и мне отлично» (англ.) – песня группы R. E. M.

– Ты в Северной Норвегии?

– Ну да, естественно. Ты как?

– Да ничего, все хорошо. Только что из читалки вернулся.

Сейчас выдохну и пойду прогуляюсь.

– Это куда же?

– Наверное, в «Хюлен»²¹ смотаюсь.

– Везет дуракам.

– Ты сам решил в Северную Норвегию свалить. Мог бы в Берген переехать.

– Ну да.

– Как дела-то там у тебя? Квартиру выделили? Устроился?

– Ага. Вообще-то хорошая квартира. И уроки начались во вторник. Тоже интересно. Я, кстати, сегодня вечером тоже дома сидеть не собираюсь. «Хюлена» у нас в деревне, конечно, нету, зато есть общественный центр.

– А девчонки там как? Есть годные?

– Ну-у... Я тут познакомился с одной – в автобусе ее увидел. Может, чего и получится. А все остальные разъехались. Похоже, остались либо школьницы, либо домохозяйки.

– Значит, со школьницами мутить придется?

– Ха-ха.

Мы немного помолчали.

– Ты мой рассказ получил? – спросил я.

– А как же.

²¹ Старый студенческий бар в Бергене.

– Прочел?

– Скорее, пролистал. Я собирался тебе написать про него.

По телефону, наверное, сложновато такое обсуждать.

– Но тебе он понравился вообще? Или непонятно?

– Ну что ты, неплохой рассказ у тебя получился. Живой, красивый. Но давай еще попозже обсудим, ладно?

– Ладно.

Снова молчание.

– А папа там как? – спросил я. – Слышно от него что-нибудь?

– Вообще ничего. А ты не слышал?

– Нет, ничего. Все хочу позвонить ему.

– Передавай тогда привет от меня. Мне тогда можно будет пару недель ему не звонить.

– Ладно, передам, – пообещал я. – Я тебе на этой неделе еще напишу.

– Давай, пиши, – сказал он. – Созвонимся еще!

– Ага, пока. – Я положил трубку, вышел в учительскую и, усевшись на диван, закинул на стол ноги. После разговора с Ингве я отчего-то чувствовал себя удрученным, но чем именно, я не понимал. Возможно, тем, что он живет в большом городе, Бергене, и собирается с друзьями в «Хюлен», а я намылился на сельскую вечеринку в деревне у черта на рогах, где никого толком не знаю?

Или виной тому «неплохой рассказ»?

Ну что ты, неплохой рассказ у тебя получился, так он ска-

зал.

Неплохой?

Я как-то читал рассказ Хемингуэя, где говорилось о том, как один мальчик отправился вместе с отцом-врачом в индейский поселок принимать роды. Насколько я помнил, прошло все не очень хорошо, возможно, кто-то даже умер, но, как бы там ни было, когда все закончилось, мальчик с отцом вернулись домой, только и всего. Просто поехали домой. Мой рассказ был не хуже, это я знал. Обстановка отличалась, но это лишь потому, что Хемингуэй жил в другое время. А я – современный писатель, поэтому у меня будет иначе.

А Ингве – что он вообще понимает? Сколько книг прочел? Читал ли он, например, Хемингуэя?

Я поднялся и снова прошел в комнатку с телефоном, а там вытащил из заднего кармана бумажку с папиным номером и набрал его. Разделаюсь с этим поскорей и забуду.

– Да, алло? – сказал он. Голос резкий. По крайней мере, разговор получится короткий.

– Привет, это Карл Уве, – сказал я.

– О, привет, – ответил он.

– Я устроился, – сообщил я, – и работать уже начал.

– Это хорошо, – сказал он. – Нравится тебе?

– Еще бы.

– Это хорошо.

– А у вас как дела?

– Да как обычно. Унни дома сидит, а я только что с работы

вернулся. Сейчас ужинать будем. Но я рад тебя слышать.

– Передавай Унни привет!

– Хорошо, передам. Пока.

– Пока.

К тому времени когда я вышел из школы и двинулся домой, дождь уже начал стихать, но пока я шел, волосы у меня намокли. Зайдя в ванную, я вытер их полотенцем, повесил куртку, включил обогреватель и поставил возле него обувь, пожарил картошку, лук и порезанную сардельку, съел все это в гостиной, одновременно просматривая вчерашнюю газету, затем завалился в кровать и спустя несколько минут уснул, словно завернувшись в уютный стук капель по стеклу.

Разбудил меня звонок в дверь. Встав, я пошел открывать и увидел, что мало того что дождь закончился, так еще и небо над деревней голубое.

Это пришел Нильс Эрик.

Чуть растопырив локти, он ссутулился, поджал губы и выпучил глаза.

– Это тут вечеринка? – проскрипел он стариковским голосом.

– А то! – сказал я. – Тут. Входи!

Он не двинулся с места.

– А есть тут... есть тут барышни помоложе? – спросил он.

– Помоложе – это сколько?

– Лет тринадцати?

– А как же! Да входи уже! Холодина такая! – Повернув-

шишь к нему спиной, я ушел в дом. Достал из холодильника бутылку белого вина и откупорил ее.

– Белое будешь? – крикнул я ему.

– Мое вино должно быть красным, как кровь юной девицы! – пропищал он из коридора.

– Вот ужас-то, – ответил я.

Нильс Эрик с бутылкой красного вошел на кухню и поставил вино возле раковины. Я протянул ему штопор.

На Нильсе Эрике была синяя футболка «Поко Локо», черный кожаный галстук и красные хлопчатые брюки.

По крайней мере, ему по фиг впечатление, которое он произведет на окружающих, подумал я и улыбнулся. Видимо, это важная черта его личности – что ему плевать на чужое мнение.

– Красочный у тебя нарядец, надо сказать, – заметил я.

– Шанс упускать нельзя, – ответил он. – А я слышал, здесь, на севере, если хочешь очаровать женщину, одеваться полагается именно так.

– Прямо вот так? В красное с синим?

– Именно!

Он зажал между коленей бутылку и с хлопком вытащил пробку.

– Волшебный звук! – воскликнул он.

– Я только в душ по-быстрому сгоняю, ладно? – спросил я.

Он кивнул:

– Разумеется. Я пока музыку послушаю, хорошо?

– Конечно.

– В вежливости нам с тобой не откажешь, – рассмеялся он.

Я прошел в ванную, торопливо разделся, пустил воду и залез под душ, потер под мышками и между ног, потом ступни, откинул голову и намочил волосы, после чего выключил воду, вытерся, слегка уложил волосы гелем и, обернув вокруг бедер полотенце, прошел в гостиную, мимо Нильса Эрика, который, демонстративно закрыв глаза, сидел на диване и слушал Дэвида Силвиана, и юркнул в спальню, где натянул свежие трусы и носки, белую рубашку и черные брюки. Застегнув рубашку, я завязал черный галстук-боло и вернулся в гостиную.

– А мне говорили, что если хочешь очаровать местных девчонок, – начал он, – то как раз вот так одеваться не надо. Только не белая рубашка, не боло с орлом и не черные брюки.

С остроумным ответом я не нашелся.

– Ха-ха, – сказал я, налил себе бокал белого вина и залпом выпил его.

У него был вкус летних ночей, танцующей толпы на дискотеке, расставленных по столам ведерок со льдом, блестящих глаз, обнаженных загорелых рук.

Меня пробрала дрожь.

– Нечасто пьешь? – спросил Нильс Эрик.

Я насмешливо посмотрел на него и опять наполнил бокал.

– Ты нового Криса Айзека слышал? – спросил я.

Он покачал головой. Я подошел к проигрывателю и поставил пластинку.

– Он отличный! – заверил я.

Некоторое время мы сидели молча.

Я скрутил самокрутку и закурил.

– Ты прочел мой рассказ? – спросил я.

Он кивнул. Я встал и чуть убавил громкость.

– Я сейчас перед выходом его прочел. Знаешь, Карл Уве, хороший у тебя рассказ получился.

– Думаешь?

– Да. Рассказано живо. Но больше мне сказать особо нечего – я не литератор и не писатель.

– А было что-то, что тебе больше всего понравилось?

Он покачал головой.

– Нет, ничего особенного. Там весь текст ровный и красивый. И гармонично все.

– Хорошо, – сказал я. – А как тебе финал? По сравнению с остальным текстом?

– Финал сильный.

– Я как раз так и хотел, понимаешь, – сказал я, – чтобы неожиданно получилось, вот это с отцом.

– Да, так и вышло.

Он наполнил свой бокал. Губы у Нильса Эрика уже покраснели от вина.

– А ты, кстати, читал «Битлз»²²? – спросил он.

– Ясное дело, читал, – сказал я, – это мой любимый роман.

Я и писать решил после того, как прочитал его. Его и еще «Белые негры» Амбьёрнсена.

– Я так и думал, – кивнул он.

– Правда? Что, похоже получилось?

– Ага, похоже.

– Прямо слишком похоже?

Он улыбнулся:

– Нет, не сказал бы. Но что именно они вдохновили тебя на то, чтобы написать этот рассказ, заметно.

– А про кровь как тебе? Примерно в середине, там, где все в настоящем времени?

– А я, по-моему, и не заметил.

– Вообще-то мне самому этот фрагмент больше всего нравится. Там про то, как он смотрит на Гордона и видит кровь, и артерии, и плоть, и жилы. И повествование получается такое насыщенное.

Нильс Эрик кивнул и улыбнулся.

А потом снова повисла тишина.

– Писать оказалось проще, чем я думал, – сказал я, – это мой первый рассказ. Раньше я статьи для газет писал и прочее такое. Поэтому я сюда и приехал – хотел попробовать книгу написать. Сел, начал – и все, ничего страшного. Никакой магии.

²² Роман норвежского писателя Ларса Соби Кристенсена (1984).

– Ясно, – ответил он, – ты и дальше собираешься этим заниматься?

– Да, я только в этом смысл и вижу. Хочу на каждом выходных по одному рассказу писать. Ты, кстати, читал Хемингуэя?

– Разумеется. Как же без него.

– Вот и у меня чуть похоже. Сразу к делу. Просто и ясно. И по существу.

– Да.

Я снова налил вина и выпил его.

– Ты не думал, как оно все было бы, если бы ты попал в другую школу? – спросил я.

– В смысле?

– Ну, ты же попал в Хофьорд совершенно случайно. Мог бы попасть еще куда-нибудь. А там бы и люди были другие, и события не такие, как здесь.

– И, самое главное, сейчас не мы, а двое других красавцев сидели тут, слушали вино и пили Криса Айзека. Или наоборот. Винили пилы и пилили винил. Нет, все переврал. Или перервал? Все шиворот навыворот! Нет, выворот за шиворот! Короче, полный винегрет! – Он расхохотался. – Выпьем, Карл Уве, – и спасибо судьбе за то, что тут сидишь именно ты, а не кто-нибудь еще!

Мы подняли бокалы.

– Хотя, будь тут еще кто-нибудь, я, пожалуй, и ему то же самое сказал бы, а?

В дверь позвонили.

– Это, похоже, Тур Эйнар. – Я встал.

Когда я открыл дверь, он стоял, повернувшись ко мне спиной, и оглядывал окрестности. Горные склоны окутывал сероватый августовский свет, казалось, совершенно иного происхождения, чем тот, что струился с неба, потому что небо было синее и блестящее, словно металл.

– Здравóво! – сказал я.

Тур Эйнар нарочито медленно повернулся ко мне. Мол, вот он я, и времени у меня вагон.

– Привет, – сказал он, – можно к тебе?

– Естественно, заходи.

И он зашел, двигаясь с продуманной обстоятельностью, которую я отметил в нем в тот самый момент, когда с ним познакомился. И любое свое движение он сопровождал улыбкой. Он поднял руку и поздоровался с Нильсом Эриком.

– О чем перетираете? – спросил он.

Нильс Эрик улыбнулся.

– Перетираем про рыбу, – ответил он.

– Про рыбу и кисок, – сказал я.

– Соленая рыба и свежие киски или свежая рыба и соленые киски? – спросил он.

– А растолкуй-ка, в чем соль, – подыграл ему я.

– Растолкуй соль или растолки соль? Потому что это две большие разницы. Как и рыба с кисками. Впрочем, сходство имеется. И немалое.

– Растолкуй соль? – повторил я.

– От растолкуя слышу! – Он расхохотался и, подернув вверх брюки, уселся возле Нильса Эрика.

– Ну что? – спросил он. – Подвели итоги недели?

– Как раз подводим, ага, – ответил Нильс Эрик.

– Похоже, компания отличная складывается, – сказал Тур Эйнар.

– Ты про учителей? – спросил я.

– Ага, – ответил он. – Вообще-то я всех и раньше знал, кроме вас двоих.

– Но ты же не местный? – уточнил Нильс Эрик.

– У меня бабушка тут живет. Я сюда с детства приезжаю на лето и на Рождество.

– Ты же и в гимназии тут учился, да? – спросил я. – В Финнснесе?

Он кивнул.

– Ты не знаешь тут одну девчонку – ее Ирена зовут? – спросил я. – Из Хеллевики?

– Ирена, ага, – он расплылся в улыбке. – Не так хорошо, как хотелось бы. А что? Ты ее знаешь?

– Знаю – это сильно сказано, – сказал я, – но я ее в автобусе встретил, когда сюда ехал. Мне показалось, она ничего так.

– Вы с ней сегодня вечером увидите? Такой у тебя план? Я пожал плечами.

– По крайней мере, она тоже прийти собиралась, – сказал

я.

Когда мы спустя полчаса вышли из квартиры и двинулись вверх по холму, меня переполняла чистая радость, какую обычно приносит белое вино, – мысли наталкивались друг на дружку, словно пузырьки, а затем лопались, выпуская на волю спрятанный в них восторг.

Мы сидели у меня в квартире, думал я, замирая от восторга.

Мы – коллеги и постепенно становимся друзьями, думал я.

И я написал охрененно крутой рассказ.

Восторг, восторг, восторг.

И этот свет, тускловатый здесь, внизу, среди людей и людских предметов, словно бы сопровождаемый тонко отполированным мраком, который, растворяясь в свете, не одолевал и не вытеснял, а лишь слегка приглушал и смягчал его, такой сверкающе ясный и чистый там, в вышине.

Восторг.

А еще тишина. Шум моря, наши шаги по гравию, какие-то звуки откуда-то издалека – стук двери или оклик, и все это в коконе тишины, которая будто вырастала из земли и окутывала нас чем-то, что я хоть и не называл изначальным, но ощущал именно так, вспоминая тишину в Сёрбёвоге и летние ночи моего детства, тишину над фьордом у подножия огромной, полускрытой в тумане горы Лихестен. Эту же тишину я, захмелевший, ощущал и здесь, шагая в гору вместе

с моими новыми друзьями, и хотя ни тишина, ни свет вокруг не были для меня главными, настроение они создавали.

Восторг.

Восемнадцать лет, иду на вечеринку.

– Вот там она живет, – Тур Эйнар показал на дом, мимо которого я проходил несколько дней назад.

– Большой дом, – сказал Нильс Эрик.

– Да, она с парнем живет, – добавил Тур Эйнар, – его зовут Видар, и он рыбак.

– А кем еще ему быть? – пробормотал я, остановившись возле двери и протянув руку к звонку.

– Просто открывай и входи, – скомандовал Тур Эйнар, – мы же в Северной Норвегии!

Я распахнул дверь и вошел в дом. Откуда-то сверху доносились голоса и музыка. Над лестницей висели клубы табачного дыма. Мы молча разулись и поднялись на второй этаж. Двери там не было, прямо располагалась кухня, слева – гостиная, а дальше направо – видимо, спальня.

В гостиной сидела компания – человек десять, они болтали и смеялись. Сидели они впритирку, за столом, уставленным бутылками, стаканами и пепельницами и заваленным сигаретными пачками, – все коренастые, у многих усы, возраст, судя по виду, от двадцати до сорока.

– А вот и учителя подтянулись, – сказал один.

– Сейчас на второй год оставят, – подал голос другой.

Все рассмеялись.

– Привет, народ, – сказал Тур Эйнар.

– Привет, – сказал Нильс Эрик.

Хеге, единственная женщина среди присутствующих, встала и, взяв возле окна пару стульев, поставила их к столу.

– Садитесь, ребят, – пригласила она, – если бокалы нужны, возьмите на кухне.

Я прошел на кухню и, разглядывая горный склон, в который утыкалось кухонное окно, сделал себе коктейль из водки с апельсиновым соком, а потом, остановившись на миг на пороге, посмотрел на сидящих за столом. Они казались мне колдунами, с разноцветным зельем в бокалах – водкой, смешанной с компотом, соком, спрайтом или колой, – с пачками, откуда они беспрестанно доставали табак и крутили самокрутки; усатые, с темными глазами и множеством историй. И вот эти колдуны раз в год собираются сюда со всех концов света, чтобы раскрыть свою чуждую природу перед такими же, как они.

Вот только на самом деле все обстояло наоборот. Это они были нормой, а я – исключением, учителем среди рыбаков. Тогда что я тут вообще делаю? Не лучше ли мне было остаться дома и писать, а не тащиться сюда?

Зря я один отправился на кухню. За это время Нильс Эрик и Тур Эйнар уже обменялись с остальными гостями приветственными фразами и теперь как ни в чем не бывало сидели среди рыбаков, и я бы так мог – просто затаился в тени коллег, спрятался бы между ними.

Я сделал глоток и вошел в гостиную.

– А вот и наш писатель! – сказал один из них, и я тотчас же узнал Реми, заходившего ко мне в первый день.

– Привет, Реми! – Я протянул ему руку.

– Да ты, небось, на такие курсы ходил, где учат имена за-
помянуть, да? – Он ухватил мою руку и затряс ее таким ма-
нером, какой не употреблялся годов с пятидесятых.

– Ты первый рыбак, с которым я познакомился, – сострил
я, – ясное дело, я запомнил твое имя.

Он рассмеялся. Я порадовался, что перед выходом вы-
пил, – на трезвую голову я бы просто молча стоял перед ним.

– Писатель? – переспросила Хеге.

– Да, этот чувак книжку пишет. Я собственными глазами
видал!

– А я не знала, – проговорила она, – у тебя правда такое
увлечение?

Я уселся и, с полувиноватой улыбкой кивнув, достал из
кармана рубашки пачку табака.

Следующий час я не говорил ничего. Скручивал себе си-
гареты, курил, пил, улыбался, когда улыбались остальные, и
смеялся, когда смеялись они. Смотрел на Нильса Эрика –
тот порядком нагрузился и тем не менее поддерживал об-
щий шуточный тон, хотя сам и был другим, было в нем нечто
легкое, присущее уроженцу Эстланна²³, отчего он все вре-
мя оставался чужим. Не то чтобы они отвергали его, совсем

²³ Эстланн – традиционное название области на юго-востоке Норвегии.

нет, однако его шутки имели принципиально иную природу и словно разоблачали его. Он играл словами, а остальные – нет, он примеривал различные роли, корчил рожи, повышал и понижал голос, а они так не делали. Смеялся он – это вдруг поразило меня – возбужденно, почти истерично, и этим тоже от них отличался.

Тур Эйнар был им ближе, был с ними на одной волне и болтал по-свойски, но и он не относился к их числу, это я понимал, он находился рядом, но не среди них, и напоминал скорее фольклориста, знающего материал достаточно хорошо, чтобы с удовольствием его имитировать. Возможно, именно в этом удовольствии и заключалось отличие – ему атмосфера нравилась, а для них была естественной? И они никогда не задумывались, нравится она им или нет?

Смеясь, Тур Эйнар хлопал себя по ляжкам – прежде я видел такое только в кино, а разговаривая, иногда потирал ладони о штаны.

Разогрев – как они называли эти посиделки – представлял собой не беседу. Здесь не обсуждались ни политика, ни женщины, ни музыка, ни футбол. Они только и делали, что рассказывали всякие истории. Одна история перетекала в другую, гости раздражались смехом, и участниками сюжетов, которые они, как и полагается волшебникам, словно вытаскивали из шляпы, были уроженцы этой деревни, и та, несмотря на свои скромные размеры, похоже, представляла собой бездонный колодец происшествий. Был здесь рыбак лет ше-

стидесяти, всю жизнь страдавший морской болезнью, которому достаточно было запрыгнуть на свою шхуну, чтобы его начало мутить. А одна компания дружков, удачно завершив сезон, сняла номер люкс в Тромсё и просадила там немерено денег. Про некоего Франка, пухляша с детским лицом, говорили, будто он прожег двадцать тысяч, и до меня лишь спустя некоторое время дошло, что он в буквальном смысле их спалил в огне. Еще один, как утверждалось, наложил в штаны в лифте, и тут я тоже не сразу понял, что он так напился, что обгадился. По разговору выходило, что именно так оно и было. В частности, тот же Франк пил так, что проснуться в собственном дерьме для него вообще было обычным делом. Его матери – той самой пожилой учительнице домоводства из нашей школы – тоже приходилось нелегко, потому что Франк все еще жил с ней. Истории, рассказанные Хеге, были непохожими на эти, но не менее странными, например, про одну ее подружку, которая так боялась экзаменов, что ее пришлось отвести в лес и ударить по голове битой, чтобы появилась уважительная причина не явиться на экзамен. Я смотрел на нее и недоумевал: она что, издевается? Нет, вроде, не похоже. Она перехватила мой взгляд и широко улыбнулась, но потом будто прищурилась и чуть наморщила нос, опять улыбнулась и отвела взгляд. Что это означает? Это что-то вроде подмигивания? Или это значит, что мне не следует верить всему услышанному?

Они здесь были не просто хорошими знакомыми – они

знали друг дружку как облупленных. Они вместе выросли и ходили в школу, вместе работают и проводят досуг. Они видятся практически каждый день и практически всю жизнь. Они знакомы с родителями друг друга, с бабушками и дедушками, они все состоят в двоюродном или троюродном родстве. Естественно было предположить, что жизнь тут скучная, а в долгосрочной перспективе – скучная невыносимо, поскольку ничего нового не происходит, а во всем происходящем так или иначе задействован кто-нибудь из двухсот пятидесяти местных жителей, и все они осведомлены о тайнах и особенностях остальных. Но, похоже, дело обстояло иначе: как раз наоборот, это их развлекало, и настроение их отличалось радостью и безмятежностью.

Сидя там, я продумывал в голове фразы для писем, которые отправлю на юг. Например: «Все были усатые! Честное слово! Все!» Или: «А знаешь, что они слушали? Знаешь? Бонни Тайлер! И Доктора Хука! Сколько лет назад это вообще кто-то в последний раз включал? В какое же богом забытое место меня занесло!» И еще: «Здесь, друг мой, когда говорят “наложил в штаны”, то именно это и имеют в виду. *Say no more*²⁴...»

К тому моменту, когда мне наконец захотелось в туалет и я встал, я успел выпить треть бутылки, поэтому натолкнулся на парня, сидевшего рядом со мной с бокалом, так что его содержимое частично выплеснулось.

²⁴ Зд.: Можно не продолжать (англ).

– Из-з... извиняюсь. – Я выпрямился и заковылял дальше.

– Один напимшись, второй разговоримшись, – слышалось сзади, и сказавший это рассмеялся.

Он, похоже, говорил о нас с Нильсом Эриком.

Чуть набрав скорости, я восстановил равновесие.

Вот только где тут туалет?

Я открыл какую-то дверь, но за ней оказалась спальня. Спальня Хега – пронеслось у меня в голове, и я быстрее закрыл дверь. Чего-чего, а в чужие спальни заглядывать я не любил.

– Туалет с другой стороны, – сказал кто-то из кухни.

Я обернулся.

Меня разглядывал полный мужчина с карими глазами, отросшими волосами и усами, спускавшимися по обе стороны рта. Это, похоже, и был Видар, парень Хега. Я понял это, подметив в нем какую-то хозяйскую уверенность.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Не за что, – сказал он. – Только на пол смотри не налей.

– Постараюсь. – Я кивнул и вошел в туалет.

Отливая, я придерживался за стену. И улыбался. Этот Видар смахивал на басиста из какой-нибудь группы, популярной в семидесятых. *Smokie* или кого-то вроде них. И такой здоровенный.

Зачем ей вообще сдался этот мачо?

Я спустил воду и, покачиваясь, улыбнулся себе в зеркало.

Когда я вернулся из туалета, все уже собирались ехать. И

обсуждали какой-то автобус.

– В это время разве автобусы ходят? – удивился я.

Реми повернулся ко мне.

– Мы на нашем гастрольном автобусе поедem. Нашей группы, – сказал он.

– Группы? Ты в группе играешь?

– Ага. Она называется «Автопилот». На дискотеках тут играем.

Я спустился по лестнице следом за ним. Восторга у меня прибавилось.

– А на чем ты играешь? – спросил я уже внизу, надев пальто.

– На ударных, – бросил он.

Я положил руку ему на плечо:

– Я тоже! Точнее, раньше играл. Два года назад.

– Да ладно, – сказал он.

– Ага! – Я убрал руку, наклонился и попытался натянуть ботинок.

И задел кого-то. Это снова оказался Видар.

– Ой, прости, – сказал я.

– Ничего страшного, – успокоил он меня. – Ты выпивку свою не забыл?

– Ох ты, вот херня-то, – расстроился я.

– Это же твое? – он протянул мне бутылку водки.

– Да! – обрадовался я, – спасибо тебе огромное! Спасибо!

Он улыбнулся, но глаза у него оставались холодными и

безразличными. Впрочем, это меня не касается. Я поставил бутылку на пол и сосредоточился на ботинках. Обувшись, я вывалился на светлую ночную улицу и заковылял к дороге, где ждали все остальные. Автобус стоял метрах в ста. Один из рыбаков уселся на водительское сиденье, а все остальные влезли в старенький салон, где имелись кресла, стол и барная стойка, все – обитое плюшем и фанерой. Мы уселись, водитель завел рычащий двигатель, мы достали бутылки; автобус, подсакивая на ухабах, двинулся вдоль фьорда, и мы с сигаретой в одной руке и бутылкой в другой продолжали веселиться.

Это было настоящее приключение.

Я во всю пьяную глотку распевал: «Колбасник, колбасник, куда ты подевался?» – размахивал руками и подбивал остальных подпевать мне. Этот автобус напомнил мне старый фильм, где Лейф Юстер играл водителя автобуса, а воспоминания о Лейфе Юстере навели меня на мысли о другом его фильме – «Пропавший колбасник». Спустя час автобус остановился у общественного центра, я выпрыгнул из автобуса и нырнул в помещение, где уже было полно народа.

Проснувшись, я сперва ничего не помнил. Память словно стерли. Я не имел понятия, ни кто я, ни где я, и знал лишь, что проснулся.

Но комната была знакомой – ну да, это спальня у меня в квартире.

Как же я тут оказался?

Я сел и почувствовал, что все еще пьян.

Сколько сейчас времени?

Что произошло?

Я закрыл руками лицо. Мне хотелось пить. Срочно. Но идти на кухню я был не в силах и опять повалился на кровать.

Я перебрал, потом ехал в автобусе. И пел.

Пел!

О нет. Нет.

И я положил руку ему на плечо. Вроде как по-приятельски.

Но мы не приятели. Меня даже настоящим мужчиной не назовешь. Я лишь тупой южак, который даже узлы вязать не умеет. И руки у меня тощие, как соломинки.

Ну хватит, надо *срочно* попить.

Я сел. Тяжелое, как свинец, тело не слушалось, но я опустил ноги на пол, собрал волю в кулак и встал.

О черт.

Кровать притягивала меня обратно с такой силой, что пришлось изо всех сил уговаривать себя не свалиться. Несколько шагов до кухни меня совершенно вымотали; опершись на столешницу, я передохнул, и только тогда сумел налить в стакан воды и выпить ее. И еще стакан. И еще. Расстояние до спальни стало непреодолимым, поэтому я сдался на полпути и улегся на диване в гостиной.

Я же ничего плохого не натворил?

Я танцевал. Да, с кем я только не танцевал.

Там, кажется, была женщина лет шестидесяти? И я ей улыбался и танцевал с ней? И прижимался к ней?

Да, так все и было.

О черт. О черт.

Вот херня-то.

А потом меня вдруг раздуло изнутри, но боль не выросла из одной-единственной точки: болело все, боль росла, делаясь невыносимой, и, наконец, добралась до мышц живота. Я сглотнул, встал на ноги и попытался удержать все внутри, поплелся в ванную, изнутри давило все сильнее, ничего больше не существовало, и я откинул крышку унитаза, упал на колени, обхватил руками холодный фаянс, и из меня извергся каскад желто-зеленой жидкости, да с таким напором, что из унитаза прямо в лицо мне полетели брызги, но мне было все равно, сейчас ничто не имело значения – так чудесно было очиститься.

Я осел на пол.

Господи, как же хорошо.

Но за этим последовал еще один приступ. Мышцы живота извернулись, словно змеи. О черт. Я опять склонился над унитазом, взгляд мой упал на лобковый волос, лежащий рядом с рукой, которой я ухватился за фаянсовый ободок, пустой желудок сводили спазмы, я открыл рот и простонал: «Уээээ, уээээээ, уээээээ», однако из меня ничего больше не лилось.

Но вдруг неожиданно желтый сгусток желчи выплеснулся

в унитаз и потек по белому фаянсу. Чуть-чуть осталось и на губах, я вытер рот и улегся на пол. На этом все? Больше не будет?

Да.

Внезапно меня охватило умиротворение, какое бывает в церкви. Свернувшись на полу калачиком, я наслаждался разливающимся по телу покоем.

Что мы с Иреной делали?

Во мне все замерло.

Ирена.

Мы танцевали.

Я прижимался к ней, терся о ее живот затвердевшим членом.

А потом?

Еще что-то?

Из мрака моей памяти выплыло лишь это одно-единственное воспоминание.

Это я вспомнил, а что было до или после – нет.

Но ведь ничего плохого?

Я представил себе, как Ирена, задушенная, в изодранной в клочья одежде, лежит в канаве.

Что за бред.

Но картинка вернулась. Ирена, задушенная, в канаве, в изодранной в клочья одежде.

Почему эта картинка такая отчетливая? Голубые джинсы, обтянутые ими полные, красивые ноги, задранная белая

блузка, фрагмент обнаженной груди, пустой взгляд. Глина в канаве, пробивающиеся сквозь нее редкие травинки, желтые и зеленые, сводящий с ума ночной свет.

Нет, нет, что за бред.

Как я очутился дома?

Я же стоял перед автобусом, когда музыканты отыграли свое и на площадку перед общественным центром высыпали люди, которые смеялись и вопили?

Точно.

И Ирена там была!

Мы же целовались!

Я держал в руке бутылку и пил прямо из горла. Ирена ухватила меня за лацканы, она как раз из тех девушек, что хватают тебя за лацканы, – и посмотрела на меня, и сказала...

Что же она сказала?

Ох, да что за дерьмище!

Змеи у меня в животе снова скрутились в клубок, а так как там было пусто, они разозлились и сжались с такой силой, что я застонал. УЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ, – вырвалось у меня, – ЭЭЭЭЭЭЭЭЫ. Я вцепился в ободок унитаза и наклонился, но желудок уже опустел и из него ничего не выходило.

– ЧТО ЗА ХЕРНЯ! – заорал я. – ХВАТИТ УЖЕ!

Потом рот наполнился невероятно вязкой желчью, я сплюнул и решил, что теперь уж точно все, но ошибся, желудок выворачивался, и я, решив ему помочь, принялся глу-

боко отхаркиваться: главное – еще чуть-чуть вытошнить, и тогда спазмы отступят.

ОООЭЭ. ОООЭЭ. ОООЭЭ.

В унитаэ капнуло немного слизи.

Ну вот. Вот так.

Теперь все?

Да.

Ох.

Уф.

Вцепившись в край раковины, я поднялся, ополоснул холодной водой лицо и с ощущением почти легким и приятным побрел в гостиную. Там я опять рухнул на диван, подумав, что надо бы узнать, который час, но не получилось. Надо было подождать, когда тело наберет сил и можно будет начинать день. Я собирался написать новый рассказ.

Такие провалы, когда от воспоминаний о пережитом остаются лишь клочья, были для меня обычным делом с тех самых пор, как я впервые напился. Это произошло летом, по окончании девятого класса, на Кубке Норвегии, и я все смеялся и смеялся, это чувство словно накрыло меня, хмель унес меня к свободе, туда, где я действовал по своему усмотрению и при этом вырастал над собой и делал все вокруг чудесным. Потом я помнил лишь обрывки, фрагменты, отдельные части картинок, спроецированные на стену мрака, из которого я выныривал и в котором исчезал, и такое было в порядке вещей. И так оно продолжалось. Весной следующе-

го года мы с Яном Видаром пошли на карнавал, и мама на-
красила меня под Боуи в образе Аладдина Сейна, город на-
воднили люди в черных кудрявых париках, коротких обтяги-
вающих шортах и пайетках, повсюду били в бразильские ба-
рабаны, но воздух был холодным, люди – зажатыми, каждо-
му требовалось преодолеть стену стеснения, они все время с
ним воевали, и во время шествий это становилось заметнее
всего: их участники не танцевали, а скорее изворачивались,
чтобы высвободиться, именно в этом и был смысл, они были
несвободны и жаждали свободы; это были восьмидесятые,
новое раскрепощающее и устремленное в будущее время,
где все норвежское было печальным, а все южное – живым и
свободным, где один телеканал, на протяжении двадцати лет
рассказывавший норвежцам о том, что считает правильным
небольшая группка образованных жителей Осло, внезапно
утонул среди новых, совершенно непохожих на него телека-
налов – а те относились к жизни проще, стремились развлека-
ть, хотели продавать; и две эти сущности с тех пор слились
в одну: развлечение и продажа стали двумя сторонами одной
медали и утянули за собой все остальное, тоже представляв-
шее собой развлечение и продажу, от музыки до политики,
литературы, новостей, здоровья, – да всё. Карнавал знаме-
новал собой этот переход тех, кто вырос в серьезности се-
мидесятых и стремился к легкости девяностых, и было вид-
но, как совершается такой переход, – по неловкости движе-
ний, неуверенности взглядов, по ликованию и восторгу тех,

кто победил неуверенность и неловкость, тех, кто тряс тощей задницей в кузовах машин, медленно колесивших по улицам Кристиансанна в тот холодный весенний вечер, когда в воздухе висела легкая морось. Так это происходило в Кристиансанне, и так оно было в других норвежских городах определенного размера и с определенным самомнением. Карнавал был новаторством, которого, как говорили, ждала судьба традиции, – ежегодно эти скованные, бледнокожие женщины и мужчины, разодетые как уроженцы юга, будут залезать на грузовики и пыжиться, прославляя освобождение, танцуя и смеясь под гипнотический ритм бразильских барабанов, в которые бьют вчерашние музыканты школьных оркестров.

Даже мы с Яном Видаром, двое шестнадцатилетних дрыщей, понимали, что зрелище это печальное. Нам, разумеется, сильнее всего не хватало в наших буднях дыхания юга, если нам чего и недоставало, так это упругих трясущихся грудей и задниц, музыки и веселья, и если мы и стремились кем-то стать, так это смуглыми, самоуверенными мужчинами, для которых такие женщины – легкая добыча. Мы выступали против скупости и за щедрость, против зашоренности и за открытость и свободу. И тем не менее вид карнавала переполнял нас грустью за наш город и нашу страну, потому что гордиться тут было решительно нечем; да, весь город, словно сам того не осознавая, выставлял себя на посмеище. Но мы это понимали и расстраивались, бродя по улицам, отхлебывая из спрятанных в кармане бутылок, мед-

ленно пьянея, и проклиная наш город и его тупых жителей, и постоянно высматривая знакомые лица, тех, к кому можно было прибиться. Точнее, девчоночьи лица. Или, на крайний случай, знакомые мальчишечьи лица, рядом с которыми маячили незнакомые девчоночьи. Наша затея была обречена, таким способом знакомства с девчонками не заведешь, но мы не сдавались, в нас не угасали искры надежды, и мы брели дальше, все пьянея и пьянея, грустнея и грустнея. А потом я в какой-то момент утонул в самом себе. Не для Яна Видара, нет – он видел меня и, спрашивая, получал от меня ответ, поэтому полагал, будто все как обычно, но он ошибался, я исчез, я опустел, утонул в пустоте моей души, иначе не назовешь.

Кто ты, когда не знаешь, что существуешь? Кем ты был, если не помнишь, что ты вообще был? Проснувшись на следующий день в общежитии на Эльвегатен, я утратил всякое знание и чувствовал себя так, словно заблудился в городе. Я мог натворить все что угодно, потому что, напившись, забывал о границах и делал все, что в голову придет, а в голову ведь чего только не приходит.

Я позвонил Яну Видару. Он спал, но отец разбудил его и велел подойти к телефону.

– Что произошло? – спросил я.

– Ну... – он замешкался с ответом, – строго говоря, ничего не произошло. Это и неприятно.

– Что в самом конце было, я вообще не помню, – сказал

я, – помню, мы шли к Силокайе, а больше ничего.

– Серьезно? Вообще ничего?

– Ага.

– Не помнишь, как мы залезли на грузовик и показывали всем задницы?

– Это правда?

Он расхохотался:

– Разумеется, нет. Ладно, расслабься, ничего не произошло. Хотя нет, когда мы шли домой, ты у каждой машины останавливался и гляделся в зеркало. Нам кто-то крикнул: «Эй», и мы побежали. Я вообще в тебе ничего странного не заметил. Ты чего, пьяный, что ли, был?

– Да, это все бухло.

– А я когда напьюсь, сразу засыпаю. Но, блин, вечер хреновый получился. Больше я на карнавал ни ногой, это точно.

– А знаешь, чего я думаю?

– Чего?

– Когда в следующем году тут опять будет карнавал, мы снова туда попрумся. Не сможем себе позволить отказаться. В этом сраном городишке и так ничего не происходит.

– Это верно.

Мы попрощались, и я пошел смывать нарисованную на лице молнию.

В следующий раз это случилось на Санктханс²⁵ – тогда мы

²⁵ Санктханс – так в Норвегии называют день рождества Иоанна Крестителя (24 июня), традиционный праздник, широко отмечаемый во многих северных

тоже были с Яном Видаром. Мы с ним взяли пива и забрались туда, где торчат гладкие скалы, в лес неподалеку от Хонеса, а там пили и бесцельно шатались под морозящим летним дождем в компании многочисленных корешей Эйвинна и нескольких бездельников, с которыми мы познакомились на пляже Хамресанден. Эйвинн выбрал этот вечер, чтобы расстаться со своей девушкой, Леной, поэтому она сидела чуть поодаль на валуне и ревела. Я подошел ее утешить, сел рядом, погладил ее по спине и сказал, что в мире есть и другие парни, что она, такая молодая и красивая, все преодолет. И она, благодарно посмотрев на меня, шмыгнула носом, и я пожалел, что мы на улице, а не где-то, где есть кровати, и еще что мы в кои-то веки выбрались на природу, а тут дождь пошел. Внезапно она посмотрела на свою куртку и завопила – на плече и, как выяснилось, на спине у нее расплывались пятна крови. Это была моя кровь; я, оказывается, порезался и не заметил, и теперь из пореза сочилась кровь. «Придурок ты хренов! – Она вскочила. – Это ж новая куртка, ты хоть в курсе, сколько она стоит?!» – «Прости, – сказал я, – я не хотел, мне просто жалко тебя стало». – «Да вали ты на хрен!» – Она пошла к остальным, и позже тем же вечером Эйвинн ее опять приголубил, а я сидел в одиночестве и напивался, глядя на серую воду, на которой дождь темпераментно рисовал маленькие кружочки. Позже ко мне присоединился Ян Видар – он уселся рядом, и мы продолжили беседу, которую ве-

ли много лет, о том, какие девушки хорошие, а какие нет, и с кем нам больше всего хотелось бы переспать. Мы медленно, но верно пьянели, и в конце концов все вокруг расплылось и я погрузился в какой-то призрачный мир.

Призрачный мир: когда я очутился в нем, он проходил сквозь меня, а когда я стряхнул его с себя, то немногие сохранившиеся воспоминания – чье-то лицо, чье-то тело, комната, лестница, задний двор – были бледными и едва различимыми, погруженными в океан мрака.

Черт, прямо фильм ужасов. Порой в памяти всплывали самые причудливые подробности, как, например, камень на дне ручья или бутылка оливкового масла в кухонном шкафу, – мелочи сами по себе обыденные, но, если учесть, что за ними прятались события целой ночи, что это единственное, что от них осталось, эти детали выглядели дикими. При чем тут этот камень? При чем тут бутылка? Первые два раза я этого не пугался и лишь отмечал как любопытный факт. Но когда это случилось снова, мне стало неприятно: выходило, будто я не способен управлять собой. Нет, ничего не произошло и вряд ли произойдет, однако факт остается фактом – управлять собственными действиями я не в состоянии. Если в глубине души я добр, то и в подобных ситуациях останусь добрым, – вот только правда ли я добр в глубине души? Так ли это?

С другой стороны, меня распирала гордость: это же круто, я так напиваюсь, что у меня напрочь отшибает память.

В те времена, летом, когда мне было шестнадцать, у меня имелось лишь три желания. Первое – это чтобы у меня была девушка. Второе – это переспать с кем-нибудь. Третье – напиться.

Или, если уж совсем начистоту, желаний было всего два – переспать с кем-то и напиться. Я занимался еще много чем, был полон амбиций, старался успеть везде, мне нравилось читать, слушать музыку, играть на гитаре, смотреть кино, играть в футбол, плавать и нырять, ездить за границу, иметь деньги, покупать вещи и технику, но все это означало одно – жить с удовольствием, проводить время по возможности неплохо, и все это отлично, но в итоге, по большому счету, *настоящие* мечты у меня были всего две.

Нет. По большому счету мечтал я лишь об одном.

Переспать с девушкой.

Больше я ничего не хотел.

Я горел изнутри, и этот пожар никогда не затухал. Он пылал во мне, даже когда я спал, мне достаточно было лишь увидеть во сне грудь, и я кончал в собственной постели.

Только не это, думал я каждый раз, просыпаясь в прилипших к коже и волосам трусах. Одежду мне стирала мама, и первое время я тщательно полоскал трусы, перед тем как бросить их в корзину для грязного белья, но и это выглядело подозрительно, она же могла задаться вопросом, почему там вдруг очутились мокрые трусы, и со временем я эту затею оставил и стал класть трусы, насквозь мокрые от спермы, ко-

торая спустя несколько часов высыхала и становилась похожа на потеки соли, прямо в грязное белье. И хотя мама наверняка заметила это, потому что случалось такое не менее двух, а то и трех раз в неделю, я, закрывая крышку корзины, отбрасывал и мысли о том, как удивится мама. Она никогда об этом не упоминала, и я тоже, и так дело обстояло много с чем, да оно и неудивительно, ведь мы с ней жили вдвоем: мы что-то говорили, что-то комментировали, во что-то вдумывались, пытались понять, а еще чего-то не говорили, не упоминали и понять не пытались.

Желание было сильным, но оно существовало в пустоте неведения, там, где происходившее всего лишь происходило. Разумеется, я мог бы спросить совета у Ингве, он был на четыре года старше и намного опытнее. И этот опыт у него тоже был, я знал. А у меня не было. Так почему же я не посоветовался с ним?

Это было немыслимо. Принадлежало категории немыслимого. Почему, я не знал, но так оно было. К тому же чем мне помог бы его совет? Это все равно что спросить совета, как покорить Эверест. Ну да, вот там свернешь направо, а потом давай наверх – вот ты и на месте.

Я бы все на свете отдал, чтобы с кем-нибудь переспать. С кем угодно. С любимой девушкой Ханной или с проституткой – мне было все равно, если бы даже это являлось частью какого-нибудь сатанистского обряда с капюшонами и кровью козла, я с радостью согласился бы. Но это не то, что тебе

выдают, — это надо взять самому. Каким именно образом, я не знал, отчего и оказывался в порочном кругу, потому что незнание порождало неуверенность, а если девушки чего и не приемлют, так это неуверенности. Уж это-то до меня дошло. Ты должен быть уверенным, решительным, убедительным. Вот только как этого добиться? Как, ради всего святого, этого добиться? Вот ты стоишь перед ней, за окном — белый день, и оба вы одеты, а пройдет несколько часов — и вы уже лежите с ней в постели в темноте. Как же так выходит, ведь между этими двумя состояниями — целая пропасть? Когда я при свете дня видел перед собой девушку, то на самом деле стоял перед пропастью. И если броситься в эту пропасть, то разве возможен другой исход, кроме падения? Потому что девушка не желала идти мне навстречу, она видела, что я боюсь, она отстранялась, замыкалась в себе или устремлялась еще к кому-то. А на самом деле, думал я, расстояние между этими двумя состояниями короткое. Нужно лишь стащить с нее футболку, расстегнуть лифчик, стянуть брюки — и вот она обнаженная. Дело двадцати секунд. Может, тридцати.

Более подлого знания и не придумаешь. Жить, осознавая, что от вожделенного меня отделяют тридцать секунд и в то же время пропасть, — так и с ума сойти недолго. Я нередко ловил себя на желании оказаться в каменном веке, когда можно было взять дубинку, ударить по голове первую попавшуюся женщину и оттащить ее домой, а там делать с ней, что заблагорассудится. Но так не получится, короткого пу-

ти нет, тридцать секунд – лишь видимость, как и почти все остальное, что касается женщин. Они доступны глазу, но не более того; ох, какая же подлость! И куда ни повернись, повсюду девушки и женщины. Куда ни повернись – блузки, а под ними грудь. Брюки, а под ними ноги и бедра, на ветру развеваются волосы, а на красивых женских лицах играют улыбки. Налитая грудь, упругая грудь, округлая грудь, пышная грудь, белая грудь, темная грудь... Голое запястье, голый локоть, голая щека, голый глаз, смотрящий на мир. Голые ноги в шортах или под коротким летним платьем. Голая ладонь, голый нос, голая впадинка между ключицами. Все это я постоянно видел вокруг, повсюду были девушки, бесконечные, я плавал в колодце, нет, в море женщин, ежедневно я видел несколько сотен их, и каждая вела себя по-своему, по-своему стояла, оборачивалась, шла, поднимала и поворачивала голову, моргала, смотрела – а мне были доступны лишь глаза, где в полной мере отражалась ее исключительность, все, что жило и существовало в ней, в этом человеке, не важно, мне ли адресовался ее взгляд или нет. О, этот сверкающий взгляд! О, этот темный взгляд! Эта струящаяся радость! Этот влекущий мрак! Или, если уж на то пошло, глупость и недалекость! Потому что и здесь я слышал зов, и немалый: глупый, пустой взгляд, открытый рот и красивое, совершенное тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.